

В БОЯРСКОЙ РУМЫНИИ

ITC was also determined by using the following equation:

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

МЕЖДУНАРОДНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ПОМОЩИ БОРЦАМ РЕВОЛЮЦИИ (МОПР).

В БОЯРСКОЙ РУМЫНИИ

(очерк белого террора в Румынии за последнее
десятилетие).

Издание И. К. МОПР'а.

Москва ~~1924~~ 1924 г.

3-я типо-литография
„ТРАНСПЕЧАТИ“
Петровка, Саалтыков. п, 2.
Главлит. № 24502.
Тираж 100.000.

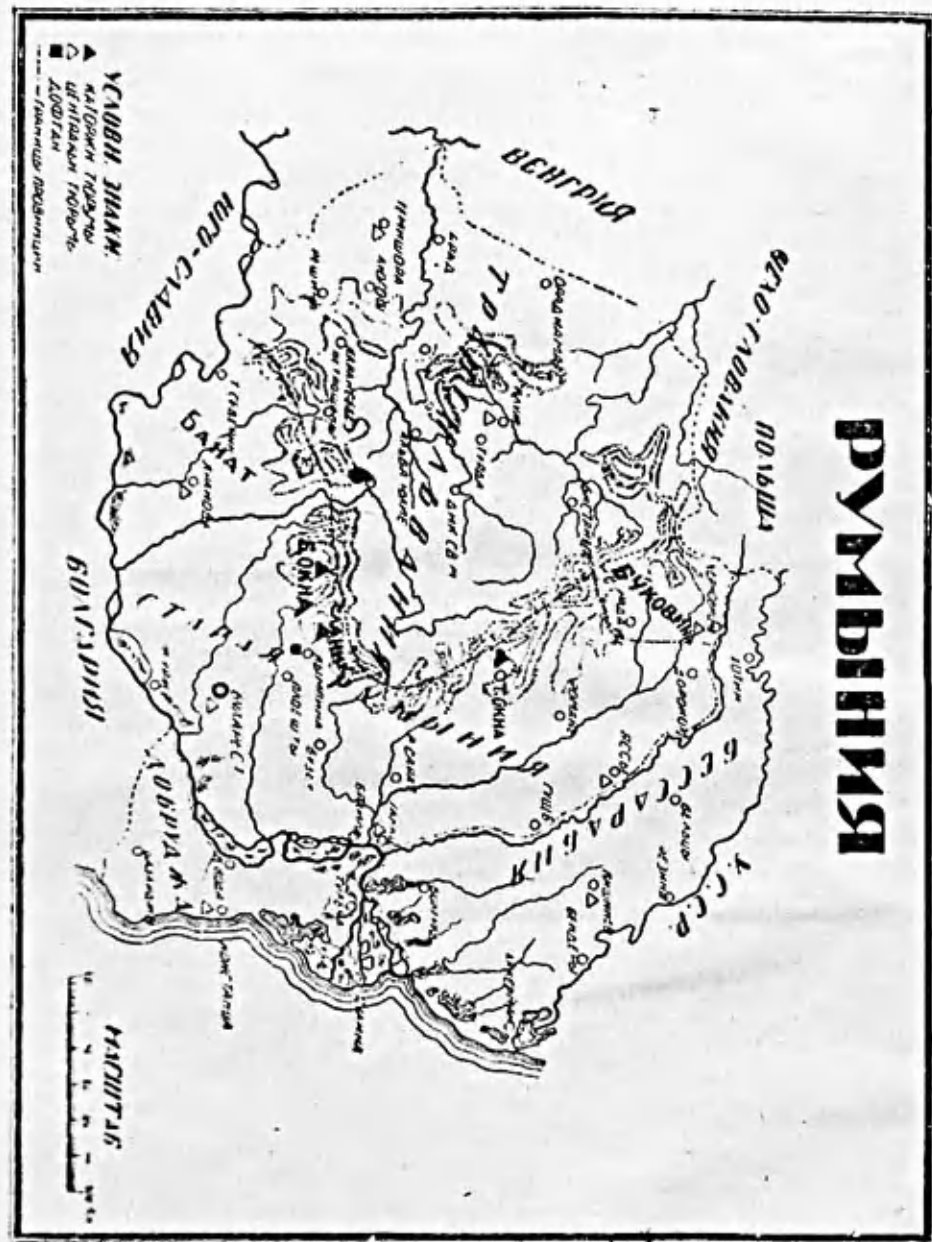
Обложка работы
художника П. Алякринского.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Настоящая брошюра составлена по материалам т.т., вырвавшимся из цепких лап румынской буржуазии. Многие из них долгие годы провели в ее тюрьмах. Они сочли своим долгом представить на суд пролетарско о общественного мнения Советской страны и всего мира наиболее выдающиеся из бесчисленных актов зверства и насилий, творимых румынскими боярами над трудящимися массами своей страны.

Ближайшее участие в составлении брошюры приняли т.т.: А. Бадулеску, М. Гайка, Г. Граф, К. Галайда, Г. Понятовский, А. Раевич, П. Ткаченко и др.

Издательство.

Введение.

Румынию называют „великой“ и „новой“. И то и другое правильно: Румыния—маленькая страна бояр, расположенная между Карпатами и Дунаем, после империалистической войны увеличила свои владения более чем вдвое. Области, „освобожденные“, как выражаются румынские шовинисты, на самом же деле аннексированные, влили новое содержание и придали новую окраску румынскому государству. Румыния во многом изменилась, но одно осталось неизменным—это ее политические нравы.

Румыния дорого заплатила за то, чтоб стать „великой“ и „новой“. Во время империалистической войны она потеряла не менее 800.000 человек, если верить официальным данным. По улицам румынских городов еще поныне бродят 84.000 военных инвалидов с протянутой за подаянием рукой.

Белый террор вырос соответственно размерам страны и свирепствует без меры и конца. Этот террор господствующему в Румынии классу жизненно необходим. Он обусловлен всем бытием „великой“ Румынии.

Всю тяжесть этого непрерывного террора приходится испытывать угнетенным национальным меньшинствам и трудовым массам Румынии—рабочему классу и беднейшему крестьянству.

Положение национальных меньшинств. Прежняя Румыния занимала площадь в 137.903 кв. километра с населением в 7.897.311 человек. Цифры эти относятся к 1915 году, считая присоединенную после Балканской войны 1912 г. южную Добруджу.

В настоящее время Румыния занимает площадь в размере 294.244 кв. километров с населением приблизительно в 16,5 миллионов жителей (статистика 1922 г.). По официальным данным в составе населения имеется до 26% национальных меньшинств. В действительности же в Румынии имеется, по меньшей мере, 5 миллионов жителей, принадлежащих к другим народностям. По отдельным провинциям, только в Трансильвании и Банате имеется незначительное абсолютное большинство румын, в то время как в других—напр., в Кришана, румыны представляют всего $\frac{1}{8}$ населения.

Румыния—государство чрезвычайно пестрое по национальному составу и разрешить национальный вопрос империалистическая Румыния не в состоянии.

Национальные меньшинства здесь угнетены в гораздо большей степени, чем это было в последние годы накануне войны в Австро-венгерской монархии.

Положение крестьянства. Румыния—страна по преимуществу крестьянская. В 1913 году общая стоимость производимых промышленностью продуктов составляла 540 миллионов лей, продуктов же земледелия—1.267 миллионов. В крупной промышленности было занято человек—70.937, а в земледелии 3.106.725. В настоящее время, несмотря на наличие промышленных районов—Баната и Трансильвании—соотношение это не изменилось, так как $2\frac{1}{2}$ миллиона, населяющие Бессарабию,—почти исключительно крестьяне.

Картина распределения земли всегда служила социальной характеристикой Румынии. В 1907 году, когда разразились крестьянские восстания, 5.200 крупным боярам

принадлежало не менее 3 800.000 гектаров (гектар—0,9 десятины) или 48,6% возделываемой земли, в то время как 920.839 крестьянам принадлежало 3.000.153 гектара или 40,29% (румынский экономист Крянга утверждает, что до войны 300.000 крестьян были безземельными, 62.832 обладали участком меньше полугектара, 81.039 обладали участком от половины до 1 гектара и 147.900—участком в размере 1—2 гектаров).

Положение не изменилось и после крестьянских восстаний 1907 г., когда восставшие крестьяне потеряли 15.000 убитыми. Только после империалистической войны и под влиянием русской революции была декларирована экспроприация крупных землевладений и дележ земли среди безземельных и малоземельных. Но и на этот раз крестьянство было обмануто.

Министр земледелия в конце 1923 года говорил следующее: „Право на получение земли имели 1 миллион крестьян. До сих пор получили землю 400.000 из них. Есть основание надеяться, что землю получат еще 200.000.“ А все остальные?.. Опять останутся безземельными? Да, потому что правительство экспроприировало из 12 миллионов гектаров возделываемой земли лишь 4 миллиона, оставив остальное крупным помещикам.

О качестве земли, отданной крестьянам, буржуазная статистика умалчивает. Кроме того, за землю крестьянству приходилось платить очень дорого. Даже бессарабское крестьянство, участвовавшее в первой русской революции, оказалось вынужденным платить за землю по ценам довоенного времени, в золотом исчислении.

Огромные массы крестьян и сейчас совсем не имеют земли. А многие, имеющие землю, не имеют рабочего скота и сельскохозяйственных орудий. Крестьянству приходится платить за землю и вносить кроме того 19—20 миллиардов рублей налогов в год.

Промышленный пролетариат подвергается эксплуатации, не меньшей, чем крестьянство. Пищевые продукты по

сравнению с 1916 годом вздорожали в 38 раз, заработная плата в среднем возросла лишь в 19 раз. Прожиточный минимум рабочей семьи в составе 4 душ составляет по меньшей мере 6.000 лей, а наилучше оплачиваемый рабочий — квалифицированный деревообделочник — зарабатывает в месяц максимум 4.800, табачница лишь 900, железнодорожник 1.200, рабочий химической промышленности 500 лей.

8-часового рабочего дня давно уже не существует, а существующие законы по охране труда не соблюдаются.

В Румынии насчитывается 3 миллиона туберкулезных. Капиталистическое государство очень мало беспокоится о тех, кто, харкая кровью, набивает деньгами шкафы буржуазии. В 1923 г. акционерное общество по разработке шахт „Петрошани“ при основном капитале в 280 миллионов имело чистого дохода 119 миллионов при „общей стоимости производства“ в 24 миллиона лей. Если считать, что расходы чисто технического свойства составляли 12 миллионов, картина будет следующая: чистый доход в 10 раз превысил голодную заработную плату тысячи рабочих.

Промышленные кризисы — явление весьма нередкое. При чем тысячи рабочих выбрасываются на улицу. Капиталисты считают это наилучшим средством оздоровления собственных финансов...

Неудивительно, если в крестьянстве и пролетариате царят революционные настроения. Неудивительно, если коммунистическая партия является единственной, имеющей влияние на рабочую массу и встречающей в ней горячий отклик своим лозунгами и своей работой.

Неудивительно, что господствующие классы Румынии, боясь за свое существование, прибегают к дикому кровавому террору.

Краткому описанию этого террора мы и посвящаем свою брошюру.

Террор в „старой“ Румынии¹⁾.

Мы приводим перечень наиболее выдающихся случаев.

Еще в конце XIX столетия во время восстания крестьян в округе ОЛТ²⁾ два т. т., Бангхерану и Фиценеску, были осуждены по обвинению в революционной пропаганде среди крестьян. Это был первый политический процесс, направленный против румынского рабочего движения.

В 1906 г. в Букуреште образовался первый профессиональный союз — столяров. В короткое время, после ряда экономических стачек, вся страна покрылась сетью профсоюзов. Настал 1907 г. Оппозиционная в то время партия либералов, борясь за власть, использовала недовольство широких масс крестьян, натравливая их на крупных помещиков и особенно на арендаторов — евреев. В несколько дней восстание охватило всю страну... Либералы свалили, благодаря этому, консервативное правительство и воцарились сами. И вскоре же порядок был восстановлен. Пулеметами и артиллерией были сметены целые деревни 15.000 крестьян получили „землю“, так как были преданы земле... Экзекуции продолжались после того, как уже восстановилось спокойствие. Это кровавое дело выполнил генерал Авереску, теперешний лидер

¹⁾ См. кн. кн. — Ред.

²⁾ „Старой“ — т. е. до присоединения к ней провинций — Блэна, Трансильвании и Бессарабии. Ред.

„пародной“ партия и подавивший всеобщую забастовку в 1920 г. и арестовавший в 1921 г. легальный съезд Рум. Социалистической Партии.

Злодеяния 1907 года — позорная страница в истории Румынии и документы, касающиеся этого восстания, по сей день не опубликованы. Расстрел крестьян-повстанцев производился в большинстве случаев самими офицерами, заодно с помещиками. Социалистический еженедельник „Трудовая Румыния“ — единственный орган, защищавший крестьян, был вскоре закрыт. Последовали многочисленные аресты, высылки, пытки. Около сотни товарищей из них доктор Раковский, братья

Тов. БУНДОР.

Приговорен к 20 годам тюрьмы, сидит в Дофтано.

Гоппе, Барбу Лазаряну и др. были высланы.

В октябре 1909 года полиция окружила собрание протеста против зверств правительства — в Букуреште. Завязался баррикадный бой. Захваченные товарищи были

избиты до крови, а т. т. Фриму, Маринеску и Кристеску за подстрекательство к восстанию были осуждены к месячному заключению. Агитатор-пропагандист деревообделочник Стефан Георгиу за выпущенное антимилитаристское воззвание был приговорен к двум месяцам. В результате пребывания в сырых цементных тюремных камерах он получил туберкулез и скончался в апреле 1910 г.

В июне 1915 года во время уличной демонстрации в Галаце было убито 9 рабочих по приказу префекта Гуси. 14 августа 1915 г., когда было принято решение об участии в войне, по всей стране прокатилась волна антимилитаристских демонстраций. В Букуреште собрание 10.000 рабочих, работниц и окрестных крестьян было встречено полицией и войсками. Полиция заявила, что партия должна изменить свою точку зрения. Но партия ее не изменила и наступила новая эпоха реакции: пришел навсегда конец мягким приговорам вроде 15—20-дневного заключения. Правительство начинает принимать более крутые меры.

Партийный орган „Лупта“ (Борьба) был закрыт спустя несколько дней после объявления войны. Через несколько дней был закрыт и орган союза молодежи „Рабочая Молодежь“. Тов. Раковский был арестован. Помещение рум. соц. партии опечатано. Большинство активных работников партии было мобилизовано и т. о. был убит на фронте тов. Де-Маринизен, печатник, бывший секретарь партии. В октябре 1915 года т. Раковского увезли в Молдавию в качестве заложника правительства. Он был освобожден только 1 мая 1917 года российской революционной армией. Освобождению т. Раковского много содействовал и т. Макс Векслер. В июне 1917 года правительство издало приказ о мобилизации Векслера, и посланный на фронт он по дороге был убит по указанию свыше. Тов. Векслер был одним из самых старых членов партии и одним из лучших ее теоретиков-марксистов.

В Молдавии, куда вступали правительственные войска, расстреливали каждого захваченного активного работника-пропагандиста. В оккупированной части Румынии началась революционная пропаганда как среди немецких солдат, так и среди населения. За экономическую стачку, за распространение запрещенных статей и пр. осуждали к месяцам и годам крепости. Но полуподпольная работа не прекращалась, несмотря на аресты, следовавшие один за другим.

Война кончилась. Начался опять небывалый подъем рабочего движения. Вместо того, чтобы бороться за „великую“ Румынию, рабочие предпочитали бороться за повышение своей заработной платы и за восьмичасовой рабочий день. Изо дня в день не прекращались стачки, сотни тысяч рабочих потоками вливались в партию и профсоюзы. Буржуазия почувствовала реальную угрозу для своей власти. 13 декабря 1918 года весь Букурештский пролетариат объявил стачку солидарности с б. ступающими печатниками и организовано, с инструментами в руках, покинул заводы, но правительство уже приняло меры. Повсюду были расставлены войска с пулеметами, стянутые из провинции. В 2 часа пополудни в мирную демонстрацию на Театральной площади раздался пулеметный залп, на месте осталось свыше сотни рабочих. Помещение партии было захвачено, 57 руководящих товарищей были арестованы. Партийный орган перестал выходить, профсоюзы были разгромлены. Подобные же преследования обрушились на пролетариат по всей стране. Только в Трансильвании, где орудовали двое министров из социалистов-соглашателей, террор был применен... лишь в отношении мадьяр. В городе Романь член ЦК тов. Фриму был арестован и после избиения отправлен в Букурешти. В тюрьме, в та-мошней больнице, он умер от последствий пыток и избиений в феврале 1919 года. Румынская буржуазия уничтожила в его лице одного из своих опасных врагов. Еще 30 лет тому назад он принял участие в социал-демократическом дви-

жении. Прекрасный оратор-массовик, блестящий агитатор, чутко прислушивавшийся к голосу масс, Фриму жил и умер во имя социализма.

1920 год. В профсоюзах насчитывалось 250.000 членов, в социалистической партии—до 80.000 чел.¹⁾. Вопреки со-лашательской тактике вождей—под давлением масс оппортунисты вынуждены были объявить все-общую забастовку, которая началась 20 октября 1920 г. Правительство было к этому заранее подготовлено. Опять посыпались аресты, сотни членов партии и профсоюзов были арестованы и приговорены „за мятеж“ от двух до пяти и даже к десяти годам тюрьмы и каторги. Сотни рабочих бежали из городов в деревню. Были изданы законы, запрещающие рабочим вступать в профсоюзы. Страна была отдана во власть военных судов. В Бакеу, в маленьком промышленном центре на севере, т. Ароняну во время этой забастовки был арестован, а затем задушен в казарме после жестокого избиения. Свирепый террор имел последствием произведенное в декабре этого же года покушение в Сенате. Некоторые из сенаторов заплатились жизнью за кровавые дела своей буржуазии.

В мае 1921 года съезд социалистической партии большинством голосов высказался за присоединение к Коминтерну. Когда результат голосования стал известен, все участники, голосовавшие за присоединение, в количестве

Т о в. Ф р и м у.
Умер в тюремной больнице
в Букурешти от последствий
пыток и избиений.

¹⁾ См. диаграмму—стр. 32.—Ред.

169 человек были арестованы. Им предъявили обвинение в преступлении против государственной безопасности. И лишь 14 месяцев спустя, после невероятных насилий и избиений они были выпущены на свободу. Лишь несколько т.т. были осуждены за подпольную работу; 25 т.т. были заочно приговорены к пожизненному заключению¹⁾.

Некоторое время спустя после ареста съезда, компартия вновь ожила, благодаря самоотверженной работе молодежи, хотя дикие кровавые преследования с этого времени не прекращаются. Некоторое время партия существует полулегально, но с апреля 1924 года она лишилась и этой возможности. Той же участи подверглись и революционные профсоюзы: их работников арестовывают, систематически избивают, несколько месяцев спустя выпускают на свободу, потом вновь арестовывают. Иных высылают на том основании, что они венгерского или украинского происхождения. Последний поход против партии был произведен в начале апреля 1924 года, при чем поводом к нему послужила ее позиция в вопросе о Бессарабии. Румынская компартия настаивала на предоставлении бессарабскому населению права самоопределения. 22 товарища были арестованы, при чем им вменено в вину отстаивание „русской точки зрения“. Одновременно с этим полиция фабрикует подложные листовки, где говорится, что „румынская коммунистическая партия зовет на помощь русскую Красную армию“. В начале мая 1924 года было арестовано 10 товарищей из ком. молодежи за издание газеты без предварительного разрешения военных властей.

Незаконная революционная работа началась еще в 1915 году в области, оккупированной немцами, и была обильна жертвами и в послевоенный период. В Бессарабии товарищей обвиняли, как агентов русского правительства,

в Трансильвании—как венгерских повстанцев, в Добрудже—как сторонников Болгарии и т. д.

* * *

Мы лишены возможности привести имена всех томящихся в тюрьмах — их количество огромно — упомянем лишь о некоторых:

Тов. М. Г. Бужор, возвратившийся в 1919 году из России. Он приговорен к 20 годам заключения и находится в одиночной камере в Дофтани. По профессии адвокат, превосходный писатель, блестящий оратор, он примкнул к движению еще в 1902 г. и до войны был ответственным редактором издаваемой партией газеты и членом ЦК. Попытка русских товарищей обменять его на находящихся в России румынских контр-революционеров была отвергнута румынскими капиталистами.

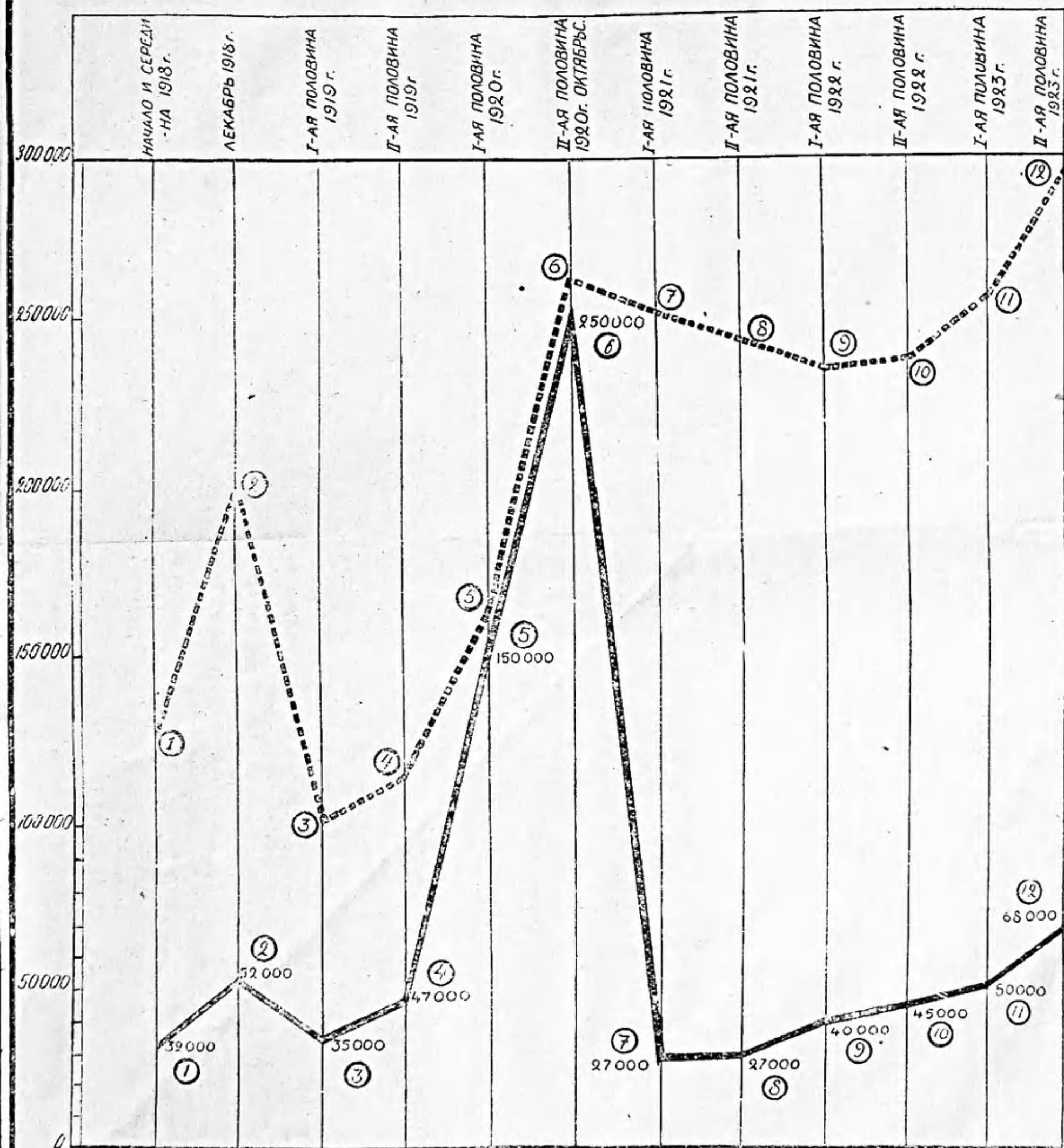
Тов. Строич, бывший портовой рабочий Галаца, приговорен в 1920 году к 20 годам арестантских рот за революционную деятельность в России в 1917—18 году. Ныне ему 48 лет.

Многие товарищи, бежавшие во время войны в Россию и принимавшие впоследствии участие в революционном батальоне, приговорены к 5—8 годам арестантских рот.

Таковы, в самой сжатой форме, основные моменты белого террора в „старой“ Румынии. Но революционный рабочий класс Румынии не отчаивается. Он продолжает бороться. Он сумеет отомстить за своих павших передовых борцов.

¹⁾ См. „Процесс 270“—стр. 30.—Ред.

ДИАГРАММА ДВИЖЕНИЯ ОРГАНИЗОВАННОСТИ РАБО- ЧИХ И БЕЛОГО ТЕРРОРА В РУМЫНИИ

Об'яснение см. на обороте.

Объяснение к диаграмме.

Сплошная черная линия обозначает кривую рабочего движения. Кружки указывают перелом движения, — подъем или упадок. Цифры возле кружков этой линии указывает на количество профессионально-организованных рабочих.

Цифры сбоку дают шкалу для ориентировки.

Вертикальные линии обозначают полугодичные периоды.

Линия пунктиром служит показателем белого террора.

Цифры в кружках — порядковый номер для нижеследующих пояснений.

1) Подъем рабочего движения после войны. Удачные экономические забастовки. В то же время, в захваченной Бессарабии, расстреляно более 1500 человек. Закрыты кооперативы. Всюду военное положение.

2) Выход рабочих газет. Происходят всюду рабочие демонстрации протеста. В Букурешти большая демонстрация во время стачки типографов 13-го декабря, когда войска и полиция расстреливают на улицах свыше 100 человек. Несколько тысяч арестовывается. От побоев умирают т. т. Сион и Фриму.

3) Провинциальные рабочие клубы закрываются, — упадок активности. Террор заметно падает.

4) Оживление движения.

5) Быстрый рост организаций. Более 20 рабочих газет. Закон о профсоюзах, направленный против организаций и забастовок.

6) Всеобщая Октябрьская забастовка с политическими требованиями. Разгром этой забастовки, благодаря неудачной подготовке. Закрытие клубов, прессы. Милитаризация рабочих. Убийство Ароняну. Несколько тысяч арестовано и зверски избито. Свыше 300 осуждено. Особенно свирепствует охранка в Ардяле и Бессарабии.

7) Арест легального конгресса социалистической партии за присоединение ее к Коммунистическому Интернационалу.

8) Профсоюзы начинают реорганизоваться; начинает выходить газета „Профсоюзная жизнь“. Террор без изменений.

9) Оживают экономические забастовки. Политическая амнистия. Легальные собрания Компартии. Расстрелы амнистированных в Бессарабии.

10) Рост забастовочного движения. Аресты работников профдвижения в Трансильвании. Милитаризация крупного предприятия „Астра“.

11) Медленное повышение организованности. Закрытие полицией профсоюзов в разных местах. Преследования против профсоюзов.

12) Профсъезд в Клузе. Гонения на рабочую печать. Обыски. Конфискации. Союз деревообделочников объявлен вне закона. Увеличение рабочего дня. Непрекращающиеся аресты коммунистов. Кассы профсоюзов конфискуются.

Белый террор в Бессарабии.

Октябрь ворвался в бывшую колонию российского самодержавия грозно и четко—классово: словно по чьему-то невидимому сигналу выросли батрацкие союзы, земельные комитеты.

Над страной железно и неумолимо пронесся, овладевая умами, призвав тысячи к действию, неписанный декрет о разделе помещичьих, монастырских, кулацких земель...

Там, где возникало сопротивление, по ночам огненные языки лизали небо, митинговали ружья, разрешалась языком отмщения веками копившаяся ненависть

Но победа октябрьской революции не могла быть доведена до своего логического конца; пролетариат России изнемогал в борьбе с сонмом врагов и не мог оказать своевременной помощи трудовым массам Бессарабии в их борьбе с румынскими оккупантами, призванных буржуазией и ее социал-соглашательскими лакеями.

1.

Началась эра неприкрытой реакции, центром которой становится Сфатул-Церий.

Из кого состояло это „великое национальное собрание“, этот „полноправный хозяин Бессарабии“?

Из предпринимателей, кулаков, попов, эсэров и т.-н. „общественных деятелей“.

К чему сводилась писанная программа Сфатул-Церия?

„К полной автономии Бессарабии“.

На языке без конца митинговавших эс-эров это звучало более эффектно:

„Социалистическая, крестьянская Бессарабия“.

В чем заключалась доподлинная, неписанная программа помещичье-кулацко-поповско-эсэровского собрания?

В подавлении аграрной революции, в расправе с „захватчиками“, в кровавом разгроме революционного крестьянства и батрачества.

На какой тактике сошлись представители хищнических классов?

На разгроме революции путем ввода в Бессарабию румынских войск...

Лозунги автономии Бессарабского края уступили место классовым интересам буржуазии.

2.

Полки, приглашенные для подавления революции, вступили в страну.

Шел медовый месяц отечественной контр-революции: гремели радостно и благодарно оркестры; чередовались блестящие банкеты; горели огни танцевальных зал; лились потоки напыщенных речей...

Шел медовый месяц отечественной контр-революции: по ночам в застенках разрывались чьи-то суставы и дробились кости; в тюремные камеры вводились все новые и новые группы революционеров; был большой спрос на прокуратуру, начальников новых тюрем и па-

лачей; спрос родил предложения; лихорадочно сводились счета; лилась кровь; Днестр выкидывал на берега обезображенные трупы революционеров-крестьян и батраков: карательные экспедиции шли по деревням...

Бессарабский Комитет Коммунистической Партии (Большевиков).

Незаконная открытка, выпущенная в Бессарабии.
(Фотогр. снимок).

3.

Он был длителен—этот медовый месяц. Лишь осенью 1918 года потухли огни танцевальных зал...

В румынском парламенте сказали: „довольно неясностей: страна, завоеванная и освобожденная Румынией, принадлежит ей“.

Кто-то поинтересовался: „А бессарабский народ“?

Члену парламента ответили: „бессарабский народ должен любить Румынию так же, как ее любят румынские бояре. И он будет ее любить“.

На Западе в те дни разрывались последние снаряды империалистической бойни. В кабинете версальского дворца четыре человека кромсали землю, делили народы, торговались за рынки. Испепеленные провинции, окровавленные страны страстно искали смысла в происшедшем, ибо произошло небывало страшное, нанесшее человечеству глубокие, зияющие раны. И потому мировая буржуазия считала еще наилучшим говорить о прекрасных вещах: о ликвидации цитадели милитаризма—завода Круппа и о Лиге Наций... В бессарабском вопросе также требовалась деликатность.

Путь к „деликатному“, „вполне демократическому“ разрешению вопроса лежал через „волеизлияние бессарабского народа“, путь к „волеизлиянию“ шел через подкуп вождей—Инкулеца и К^о—из Сфатул-Церия...

Срочной телеграммой из Букурешти им предлагается прибыть „на совещание исключительной важности.“ К назначенному сроку является одна треть его состава.

Исторический день: „великое национальное собрание“, окруженное румынскими войсками (так часть членов Сфатул-Церия довольно равнодушно относилась к „материнской ласке“ Румынии) разрешит вопрос „исключительной важности“.

Исторический день! „Великое национальное собрание“ вотирует „добровольное присоединение Бессарабии к матери Румынии“...

4.

То было „волеизлияние“ нескольких десятков людей, которых презирают румынские бояре, их купившие.

Подлинное же волеизлияние трудового народа было совершенно точно сформулировано несколькими неделями позднее.

Оно исходило из Бессарабского севера из уездов: Хотинского, Сорокского, Оргеевского и Белецкого.

Вот она, эта редакция, этот массовый вотум: Борьба с оккупантами. Война на полях, пастбищах и в лесах. Ревкомы и Советы...

Но Румыния перебрасывает свежие дивизии и французскую артиллерию, развивает нещадный ураганный огонь, сносит с лица бессарабской земли двадцать две деревни, лишает крова десятки тысяч безоружных крестьян, не взирая на возраст и пол расстреливая сотни других.

Ураган огня и смерти пронесся по сезеру Бессарабии.

Слабая попытка „морального“ сопротивления со стороны „демократической“ интеллигенции быстро подавляется румынским кулаком. И потому она сочла более целесообразным приспособиться к новой колониальной системе. Приспособление это нашло свое выражение в эксплуатации масс, совместно с румынскими боярами.

Установился, таким образом, новый режим: режим двойного ига. режим подобного которому не было еще в безотрадной и тягостной истории бессарабского крестьянства и батрачества.

Этот режим удовлетворил буржуазию и ее социал-лакеев.

Но не удовлетворил он коммунистическую партию, на которой сосредоточились чаяния, стонущего под двойным игом бессарабских трудящихся.

Загнанная в подполье, окруженная жандармами и шпионами, пытаемая в застенках, несущая громадные кровавые жертвы, коммунистическая партия Бессарабии ни на миг не прекращает своей героической работы.

Простой перечень актов белого террора, направленного против коммунистической организации дает представление о героизме этой работы, ведущейся в невероятно тяжелых условиях белого террора.

30-го августа 1923 года в с. Кельменцах, Хотинского уезда, румынские жандармы окружили дом крестья-

После этого в селе было арестовано человек 20 крестьян, подозреваемых румынами в принадлежности к коммунистической организации. К арестованным при допросах применялись пытки: - ущемление половых органов клещами.

ломание этим же инструментом пальцев и прижигания раскаленным железом.

Далее идет длинный список систематических „единичных“ убийств.

Зверства белых террористов настолько возмутительны, что одно из решительных требований кишиневских стачечников в 1920 году сводилось к прекращению зверств и пыток, применяемых к арестованным революционерам. Правительство выслушав делегацию, дало обещание пытки прекратить. Затем следовало подавление самой стачки и расправа с стачечниками. Несколько сот последних оказались в тюрьме. Разумеется, что ни одно из данных обещаний правительством выполнено не было, но в переговорах рабочей делегации с правительством особое значение имеет обещание последнего „прекратить пытки“. Этим обещанием раз навсегда установлено, что эти пытки — не мираж, не выдумка...

Особое место в истории белого террора в Бессарабии занимают карательные экспедиции в деревни.

Грабежи, аресты сотен крестьян, насилдование девушек — это первая стадия работы экспедиции; ураганная пулеметная стрельба по селу, массовые расстрелы, выжигание сел — вторая стадия.

Громадное число революционеров перебито „при попытке к бегству“ и еще большее число потоплено в Днестре. Последняя казнь на языке палачей называется „вручение билета на кругосветное путешествие“...

* * *

Но борьба, продолжается. Завершится она победой коммунистической партии. Такова логика событий, логика истории.

Политические процессы.

Размер брошюры не позволяет нам подробно остановиться на каждом, сколько-нибудь выдающемся политическом процессе. Мы ограничимся здесь наиболее крупными — тремя.

Процесс „108“.

„108“ — это первый массовый процесс первой революционной и коммунистической организации Бессарабии.

„108“ вели революционную работу в Бессарабии, поддерживая и распространяя идеи социалистической революции, подготавливая фундамент для новой революционной власти — диктатуры рабочих и беднейших крестьян. Объективные условия в Бессарабии были настолько революционны, справедливое возмущение народа настолько огромно, что это не только способствовало революционной работе, но прямо порождало ее.

„108“ свою работу распространяли на всю недовольную массу, особенно крестьянства, стремясь вовлечь наиболее активные элементы провинции.

В конце мая началась длинная цепь провалов, начиная от Леова, с юго-запада и кончая Оргеевым, к северу Бессарабии¹⁾. Подробное изложение, всех пыток и избиений, которым были подвергнуты арестованные,

¹⁾ См. карту Румынии. — Р е д.

заявляло бы целый том. Недаром один из румынских сыщиков заявил: „У нас не простые приемы, у нас французская школа“.

Кишиневская группа, арестованная последней, пострадала сравнительно мало. Зато в провинции, в Леово били всех под ряд палками и резинами. В Леово же одного старика избили до смерти. Еще хуже было в Кагуле. В течение недели арестованных держали в ручных и ножных кандалах, их беспрерывно избивали толстым шестом, прикладами, зажимали пальцы рук и ног, подкалывали гвоздями ногти; подтягивали к потолку на веревке и с силой бросали вниз; держали без пищи. Особенно зверски истязали тов. Перчика. Старый анархист, бывший на царской каторге, он упорно выдержал все пытки и даже не подписал допроса.

В Аккермане, товарищей Стадзило и Брофмана¹⁾ держали две недели в карцере и, что называется, „убивали“. Особенно сильно избивали последнего за его упорство. Кроме этих выдающихся случаев, в провинции поголовно избивали и арестовывали по селам и деревням всех имевших даже самое отдаленное отношение к „заговорщикам“. В одном Леово было задержано до 200 человек крестьян.

Солдаты, охранявшие арестованных, сначала очень свирепо к ним относились, но, побывав на суде и усиленно прислушиваясь к показаниям обвиняемых, говорили между собой: „нам говорили, что это ужасная банда, а теперь видим совсем не то“. Офицеры должны были постоянно выводить „лишних“ солдат из караула, слушавших у дверей...

Приговор „108“ был прочтен не на суде, а в центральной тюрьме под навесом, куда прибыли прокурор с секретарем суда и несколько адвокатов. Растерянны и боязливо прочтя приговор, они быстро уехали. В приговоре

¹⁾ См. стр. 56.

сразу же была заметна особенная суровость по отношению к евреям. Вот список приговоренных: Гринкруг, Литензон, Время, Цуркан, Качановский, Криворуков, Горбачев, Осипов, Волочаев, Гилишенский, Лифшиц, Чернобров, Сасов, Михайлов, Осипенко, Коган, Поплавский и Понятовский—смертный приговор. Коган и Сарра Левин—10 лет, Убчер—20 лет, Антош—20 лет, Петров—15 лет, Слободянюк—15 лет, Гендлер старший—15 лет, Коган—15 лет, Сенкин—2 года, Иорданов—3 г., Милев—2 г., Михайлюк—2 г. 11 мес., Муравьев—2 г., Гендлер младший—2 г., Беркович—10 лет, Вольман—10 лет, Перчик—10 лет, Беркович—5 лет, Ковригер—2 г. 11 мес., Македон—5 лет, Руссановский—5 лет, Буянжи—3 г., Швидкий—10 лет, Островский—5 лет, Островский—3 г., Тамара—10 лет, Суслов—3 г., Тимошенко 10 л., Шут—10 лет, Стадзило—15 лет, Мейман—15 лет, Брофман—10 лет, Левит—2 г., Фридман—10 лет, Карлин—1 г., Кожухаренко—3 г., Николаев—3 мес. 15 дн., Гофман—3 мес., Кашир—3 мес., Флешнер—3 г., Килимник—1 г., Левина—2 г., Абрамович—8 лет, Гольдштейн—5 л., Небоженко—1 г., Сухов—3 г., Гольденштейн 3 г. Пушняк—2 г. 11 мес. Итого—300 лет тюрьмы и 18 смертных приговоров в одном процессе.

Процесс „48-ми“.

(Из воспоминаний).

Процесс 48-ми был ярким выражением оживления рабочего движения, выявившегося весной и летом 1920 г. преимущественно в Кишиневе, но нашедшего серьезные отклики и в провинции.

Это объяснялось экономическим подъемом, возникшим благодаря оторванности Бессарабии от прежних россий-

ских промышленных центров и в то же время вследствие отсутствия связи с новой метрополией—Румынией. Промышленность чрезвычайно развилась, создавая даже новые отрасли раньше не существовавшего производства. В противоположность движению предшествовавшего периода, выросшему преимущественно на недовольстве широких крестьянских масс, движение 1920 г. носит преимущественно городской пролетарский характер, опираясь на рабочие массы и революционную учащуюся молодежь.

В кишиневской тюрьме в то время еще оставалась часть осужденных по процессу „108“, а также ряд товарищей по различным мелким процессам. Мы составили компактную группу коммунистов, с которой администрация должна была считаться, благодаря чему в тюрьме установился относительно сносный режим. Тем не менее, конфликты время от времени вспыхивали и два раза оканчивались голодовками...

Во главе всей коммуны, объединявшей 60 т. т. стояла избранная на нелегальном (в тюрьме) собрании тройка, которая вступала в сношения с администрацией, выделяла „продкомиссара“ для распределения продуктов, разбирала конфликты между отдельными товарищами, вела культработу...

Всевозможными способами мы получали свежие новости, политическую литературу, газеты, издавали даже свой журнал „Тюрком“—(„Тюремный Коммунист“), успев выпустить около 4-х номеров, из которых один был посвящен годовщине Октябрьской революции. Эта совместная товарищеская жизнь в тюремной коммуне имела огромное воспитательное значение, особенно для молодежи, парализуя, таким образом, разлагающее и деморализующее влияние тюрьмы...

Первая голодовка закончилась безрезультатно. Вторая же, охватив всю нашу коммуну, продолжалась 5 дней и окончилась победой.

Мы оживленно готовились к процессу. С одной стороны, возможно было использовать залу суда, как агитационную трибуну, где, излагая основные положения программы и тактики компартии, вскрывая лживость буржуазного суда, можно было осветить сущность белого террора в Румынии. Некоторых из нас соблазняла мысль демонстративно отказаться от адвокатов и кассаций приговора, используя „последнее слово“ подсудимого... После ожесточенной дискуссии, мы решили выделить группу наиболее скомпрометированных товарищей, долженствующих представить политическую сторону процесса, остальным же было представлено использовать все возможное и допустимое для своего освобождения.

Наша „тройка“ рассматривала показания каждого участника процесса, инструктировала насчет поведения на суде, определив содержание показаний отдельных товарищей. Таким образом, мы организованно выступили на процессе. Этой спайкой и организованностью этот процесс отличается от других.

На суде выяснилось, что судьи не имеют ни малейшего понятия о том, кто такие коммунисты, и к чему они стремятся... Некоторые эпизоды заслуживают внимания. Так, например, председатель суда, допрашивая тов. Ривлина, очень интересовался вопросом, что мы сделаем с буржуазией, когда завоюем власть. Тов. Ривлин ответил иронически: „Отправим на Марс“.

Председатель потом несколько минут допытывался, какие пути сообщения будут использованы для такого путешествия...

Суд и разговоры с некоторыми офицерами великолепно пропагандировали солдат, которые подслушивали у дверей. Солдаты вместо ожидаемых „убийц и грабителей“ увидели людей борющихся за правду. Особенно сильное впечатление произвело последнее слово... Все, объявившие себя коммунистами заявили, что передают свое последнее слово тов. Богопольскому. Содержание речи Богополь-

ского сводилось к следующему: „Процесс инсценирован сигурянцой. Коммунисты не боятся суда буржуазии и не ждут пощады. Мы стоим на той точке зрения, что пролетарская революция неизбежна, как неизбежен крах капитализма.—Закончил он возгласом:—Да здравствует Коммунистический Интернационал!“

Суд приговорил четырех к смертной казни, а большую часть — к каторжным работам. К смерти были присуждены: т.т. Богопольский, Дубинский, Райзман и Берта Асныс...

Приговор не был приведен в исполнение. После кассации смертники и вечники получили—первые по 10 лет каторги, вторые по пять.

Процесс „270“.

(Из воспоминаний участника процесса).

Как и во всех капиталистических странах, в Румынии конец 1920 и начало 1921 года ознаменовался падением революционной волны и наступлением капитала... Поражение октябрьской всеобщей забастовки было этим поворотным пунктом.. В начале 1921 года начался ряд больших провалов бессарабской коммунистической организации. В марте провалы перекинулись в Трансильванию, а затем и на остальные районы. Охранке удалось арестовать большинство видных руководителей движения. Усиленными пытками и избиениями она вырывает у арестованных нужные ей показания. Пытки в охранке, бывшие до сих пор исключительной „привилегией“ присоединенных провинций, переносятся в центр Румынии—в Букурешти.

Конгресс румынской социалистической партии, собравшись 6 мая 1921 года и огромным большинством голосовавший за присоединение к Коминтерну, на четвертый день, немедленно после голосования, был разогнан. Министр внутренних дел Аржатоюну позже заявил на суде,

что ему превосходно было известно, что большинство будет голосовать за Коминтерн. „Этого только и хотели мы“—сказал он.

Так создался процесс „270“. Следствие вел прокурор, будущий обвинитель, майор Чернат,—своеобразная смесь политического невежества и жестокости. Собранных со всей Румынии коммунистов сконцентрировали в двух Букурештских тюрьмах: Вакарешти и Жилава.

Только за три дня до суда нас познакомили с обвинительным актом,—специально отпечатанной книгой в 280 страниц. Это был образец офицерского тупоумия, неслыханной лжи, антисемитизма, смешанных с потугами на конституционную законность и научность. Невероятные, необоснованные обвинения, перемешанные с явными противоречиями. Пишущему эти строки приписывалось убийство двух или трех солдат при побеге, но в статьях обвинения—статьи за убийство не поставили. Другого товарища обвиняли в руководстве организацией в 1918 году, когда ему было... 13 лет. Тов. Кристеску обвинялся в том, что призывал в парламенте... ломать и разрушать машины и фабрики. Металлиста т. Грофу обвиняли в намерении „привести иностранные войска в страну“ и с этой целью он учился грамоте в рабочем клубе и т. д., и т. п.

* * *

За несколько дней до нашего переезда в город и начала процесса правительственные газеты усиленно муссировали слухи, что, мол—коммунисты задумали адский план побега во время перевозки. Накануне „решительного“ дня генералы Марджиану, Давидогло и др. на интимном совещании в министерстве инструктировались, как „запугать“, а при случае и „расправиться“. Улицы, по которым мы должны были проехать, с 5 часов утра были оцеплены усиленными отрядами полицейских и кавалеристов...

В 6 часов утра—„шестуем“. Нас, группу в 16 человек, самых опасных, в кандалах отправляют в тюремном

автомобиле с решетками — первыми. Позади и впереди нас грузовики: в каждом 25 солдат с винтовками и пулеметами, направленными на нас. За нами следуют под такой же охраной, но нескованные, конгрессисты. И, наконец, в самом конце, в открытом грузовике едут женщины.

Наших товарищей по процессу, находившихся в Жилаве, перевозили еще с большей „помпой“. Им подан был специальный поезд, где закованными разместили по 15—20 человек в каждом вагоне. По всей железнодорожной линии разъезжали отряды кавалерии и автомобилей. А на крышах вагонов были расставлены пулеметы.

* * *

Два с половиной миллиона лей правительство потратило на переустройство и оборудование военной казармы Дялул-Спирей, превратив ее в образцовую тюрьму. „Талантливейшие“ из румынских офицеров, прославившие себя расстрелами и избиениями рабочих, были откомандированы в распоряжение администрации тюрьмы. Низший персонал тоже был подобран не менее удачно. Командовал охраной гвардейский капитан, имея помощником известного боксера Апостолеску.

Наше знакомство со всей этой шайкой палачей началось у входа во двор тюрьмы. Разделив на группы по 20—25 человек, нас раздели до гола для обыска, держали по 3 часа в холодном коридоре. На протест — отвечали побоями. Затем голых впустили в неотапливаемые камеры и спустя часа два бросили туда часть нашей одежды, оставив все более или менее ценное себе „на память“. Некоторых, сейчас же после обыска, еще не одетых, отправили, предварительно избив, в карцер.

Нервно-больного тов. Караджалия, заболевшего в подземельях Жилавы, за протест (он попросил

назад свои часы) начали избивать тут же в коридоре. Мы начали стучать в двери, кричать, требуя прекращения избиений. В ответ вызвали солдат и прокурор заявил, что всех нас перестреляют, ибо он имеет полномочия от правительства для применения самых энергичных мер.

Ночью нам прочли „приказ № 1“ о распорядках нашего местопребывания, за нарушение которых угрожали расстрелом.

* * *

5 часов утра. 10 минут дается на то, чтобы умыться, одеться и поесть...

Вызывают... Тридцать „наиболее опасных“ вызвали, чтобы переменить кандалы. Те, которые мы носили до сих пор, кажутся администрации слишком легкими и ненадежными: их заменяют новыми, специально заказанными, весом в 9 кило, т. е. 22½ фунта и длиной в один метр. Ни подкандалников, ни даже обыкновенной веревки для подвязки кандалов иметь не позволили. Приходилось волочить их по земле.....

Солдаты оцепляют в несколько шеренг двор. Впереди выстраивают „очень опасных“ — подпольщиков. За нами следуют „просто опасные“ конгрессисты, депутаты парламента и руководители профдвижения. Группа человек в сорок. Это — первое кольцо.

За ним второе кольцо, группа человек в сто.

И, наконец, третье кольцо — женщины (30 чел.) и товарищи из карцера, которые после побоев почти не в состоянии ходить.

По улицам, по которым мы проходим, разъезжают отряды конных полицейских, не пропуская посторонней публики.

* * *

Большой зал суда перегорожен на клетки разной величины — по категориям. Пять судей. Направо от судей — обвинитель Чернат и перед ним 900 дел в 70.000

страниц, налево—вещественные доказательства: несколько бомб, и старые газеты...

Внизу, у сцены,—адвокаты и журналисты, а наверху родственники и „избранная публика“, ибо пропуска в зал суда выдаются только совершенно „благонадежным“.

В первый же день мы протестуем на суде против варварского режима тюрьмы. Вышел весь синий от побоев тов. Макс, рассказывая о происходящем в тюрьме. Председатель, не сообразивший сразу в чем дело, позволил ему высказаться—к великому неудовольствию Черната. За Максом все товарищи требуют слова, но пришедший в себя председатель, отказывает по мотиву, „не по существу“.

Почти ежедневно суд открывался с протестов. Председатель не давал слова защите, обещая произвести расследование... Администрация тюрьмы в тот же день получала тайные приказы продолжать в том же духе...

Чернат на запросы защиты произносил горячие „гуманные“ речи против побоев, обещая расследовать и проч. Затем, садясь, отмечал несколько фамилий на бумажке. К вечеру эта бумажка будет у боксера Апостолеску...

В дальнейшем нам удалось голодовкой добиться некоторого смягчения режима в тюрьме, но на суде, по-прежнему, продолжался дикий произвол. Обвиняемым не давали совершенно говорить.

Приходилось пользоваться всякой удобной минутой, чтобы контрабандой высказывать на суде свои взгляды. Каждый день суда приносил все новые и новые конфузы следствию. Прокурор должен был отказаться от ряда обвинений: в убийстве солдат, поджоге, разрушении фабрик и т. д. Даже трусливая оппозиционная печать осмелилась громко заявить, что на суде уже достаточно выяснилась непричастность коммунистов к „терроризму“, наоборот, скорее доказано что террористами является в Румынии, в первую очередь, правительство...

Особенно героически вел себя тов. Макс¹⁾. В большинстве случаев он во время суда спал на скамейке, — настолько он был замучен стоянием в карцере, где его держали по 10 — 12 дней — но стоило только ему услышать обвинение в терроризме, он оживлялся, задавая такие, приблизительно вопросы:

„А знает ли свидетель, сколько рабочих было убито 13-го декабря 1918 года? Знает ли... об убийстве, расстрелах и избиениях наших товарищей. Знает ли, как были убиты Ароняну, Векслер, Филипеску, Фриму и прочие“.

Председатель, конечно, не разрешал свидетелю отвечать ни на один из этих вопросов...

Вскоре после первой голодовки нам пришлось начать новую, так как издевательства опять усилились: зверски избили в карцере т. т. Доброджану, Фабиана и Гречу, запретили свидания с родными и т. д. На второй день голодовки нам объявили, что, ежели мы не желаем кушать, то администрация лишает нас и воздуха... Окна камер закрыли, на двор никого не выпускали, поставив в камерах параша. От духоты и жары невозможно было дышать. Ночью в коридоре тюрьмы солдатам приказали стучать в дверь молотками и кричать, с целью замучить нас бессоницей. В продолжение ночи раз десять врываются в камеры, подымали на проверку, считали. В таких условиях уже на второй или на третий день некоторые товарищи не могли ходить. Приходилось более крепким из нас тащить их на руках в суд, так как по закону, если кто-либо из обвиняемых не являлся на суд более 48 часов, суд откладывался, а это означало бесконечное продолжение издевательств.

На суде начинались обмороки с арестантами, затем и в публике. Каждые 5—10 минут суд прерывался, начиналась возня, приводили в чувство то одного, то другого. Целый персонал медиков находился в распоряжении „гуманных“ судей, констатирующих „истощение“. Адвокаты

¹⁾ О тов. Максее см. стр. 63.

протестовали и громили судей. Оппозиционная печать возмущалась безобразиями... Представители министерства обещали справедливую анкету, а пока, на процесс тащились полуживые люди, в кандалах, а приходя в здание суда, засыпали на скамьях, несмотря на окрики судей, и спали беспокойным сном, пока их судили, обвиняли и проч. Однако, это уже было агонией подвигов либералов. По поводу невиданного еще в мире процесса в иностранной печати появились разоблачения. Стали раздаваться протесты в разных странах. Оппозиционные партии, пользуясь этим, развивали бешенную агитацию против правительства. Да кроме того, процесс затянулся уже на 4 месяца. Обвинение, несмотря на все попытки, окончательно было скомпрометировано. Правительство не знало, как закончить процесс. Признать коммунистов невиновными — это значит признать свою намеренную ложь и провокацию; признать виновными и приговорить всех — неудобно, в виду возможных разоблачений и всеобщего возмущения. И правительство начинает политику „смягчения“: удовлетворяет наши требования, предъявленные во время голодовки, снимает со всех кандалы, удаляет некоторых из администрации и т. д. Режим в тюрьме становится лучше. На суде обстановка меняется. А через пару недель объявили декрет об амнистии.

Из 270 заключенных остаются только 26, остальные амнистируются. Суд над 26 оканчивается быстро... Макс Гольдштейн, только благодаря тому, что было снято осадное положение, получает вечную каторгу и отправляется в Дофтану. Остальные — по несколько лет каторги. Так закончился этот, единственный в своем роде невероятный процесс, ставший историческим этапом, в развитии рабочего и коммунистического движения в Румынии.

Сигурянца.

Сигурянца — это сыскное и охранное отделение. Кроме отделения в каждом уезде, она объединяется в более крупных городах, провинциях — в бригады и уже в Букурешти имеет Главное Управление — Генеральная сигурянца. Кроме этой так-наз. гражданской сигурянцы существует еще при каждом армейском корпусе — военная сигурянца, которая также производит свои расследования. Особого политического отделения последняя не имела и только во время усилившихся арестов в Бессарабии в последнее время был выделен отдельный комиссар для ведения политических дел.

Метода предварительного следствия, допроса, информации о работе подпольных организаций не было. В этом отношении румынская охранка значительно отстала от проклятой памяти — царской. Только после значительной практики, в Бессарабии сигурянца начала вводить систему слежки замеченных в революционной работе.

Единственный и универсальный метод расследований — это жестокое избиение. Каждый арестованный форменным образом проходит через чистилище. Каждый без исключения подвергается истязанию. Это дело в сигурянце поставлено очень „хорошо“...

Сигурянца, чтобы оправдать свое существование, не перестает создавать, инсценировать „ужаснейшие заговоры“. С каждым арестом, раскрытым рабочим кружком

или просто стачечником, связывается обвинение в „военном шпионаже“ „государственной измене“ и преступление против „государственной безопасности“. Это стало обычным явлением.

Пытки в румынской сигуранце — не акт мести. Это узаконенная система, рассчитанная на физическое истощение и деморализацию „клиента“ (так в сигуранце называют попавших к ним в лапы). В Кишиневской сигуранце с места в карьер оглушают ударом пощечин, пинков и пр. Это предварительное „неорганизованное“ избиение имеет целью запугать арестованного. Затем при начале допроса начинают „брать в работу“ в специальном помещении или погребке, обычно ночью, агенты набившие руку в этом кровавом деле. Бьют несколько агентов по очереди, сменяя один другого, нагайкой, толстой резиновой палкой или переплетенной вдвое и втрое проволокой. В их задачу не входит убить, хотя и были смертные случаи. При обмороке обливают холодной водой... Избитого до полусмерти, обычно, оставляют в покое, а иногда присылают врача. Но последствия пытки сказываются долго. Синяки, кровоподтеки, гноящиеся раны, отбитые внутренности, кровохаркание, острая неврастения, переходящая в психическое расстройство (некоторые сходили с ума вскоре после пыток, как Караджали и др.) — вот обычные последствия пытки. Наиболее упорных бьют дней 10—15, вырывают ногти на ногах, подвешивают к потолку, бросая на пол, хватая за волосы, бьют головой о стену, зажимают в дверь пальцы (процесс „108“, „48“ и др.).

Многие, не выдерживая, пытаются покончить собой, но находясь под неусыпным наблюдением — это редко им удается; например, Беся Иожилла выбросился со 2 этажа во двор и тяжело расшибся, но к нему позвали врача, а в следующую же ночь, его опять били.

Сигуранца — это неприкосновеннейшее учреждение. действующее вне каких-либо норм и ограничений

Чугуряну, бывший министр Бессарабии вызванный свидетелем на суд по делу „108“ хотя и лицемерно, но ярко характеризовал свое бессилие: „Я министр, а вы, даже не предупредили меня о раскрытии заговора... узнал лишь из газет“.

Сигуранца не гнушается и воровством. Находимые при арестах ценные вещи, деньги, пишущие машинки, оружие и пр. агенты сигуранцы присваивают себе. Эти вещи в обвинительном акте указываются, как вещественное доказательство, на столе у судьи же ничего нет. Адвокаты спрашивают: „где же эти вещественные доказательства: револьверы, бомбы, машинки и пр.“ Так было и при процессе „108“ и „48“ и др. Прокуроры и судья огдываются молчанием...

Вот несколько штрихов о нравах сигуранцы.

Румынские тюрьмы.

(Из воспоминаний бывших заключенных).

Как во всякой благопристойной буржуазной стране, так и в Румынии, в каждом городе есть тюрьма—*Penitenciarul*.

Наибольшей „славой“ пользуется так-называемая рецидивная тюрьма наказаний и одиночек—„Дофтана“. Далее идут три каторжных—Тыргу-Окна в Молдове, Окна-Большая в Олтении и Сланик—в Прахове¹⁾. Все три возле соляных шахт. Две полукаторжных,—соответствующие прежним русским арестантским ротам—Маржинени и Быковец, в них обрабатывают кожи. Одна каторжная для женщин (женское отделение при всех тюрьмах существует само собой)—Платарешти. Одна для малолетних—Мысль. И кроме этого десять центральных: Кишиневская, Вакарешти в Букурешти (Бухарест), Ясская, в Галаце, Констанце, Крайове, Аюде. Клуж в Трансильвании, Темишора в Банате и в Черновицах. И, наконец, военные тюрьмы: форт Жилава в Букурешти, Галата в Яссах и в некоторых других городах. К сожалению, у нас нет подробных данных о трансильванских тюрьмах и размер брошюры не позволяет привести более подробное и полное описание тюремных режимов; приходится ограничиться несколькими краткими очерками.

Прибывающего сейчас же сажают в „герло“ на сутки. То, что в царской России называли карцером, в Румынии

¹⁾ См. карту.

зовут „герло“, вероятно, от слова герло—залив, или затон имея в виду, что туда подливали воду при наказании. Карцер же по румынски, представляет собою, буквально, стоячий ящик-гроб, 12 вершков в ширину, 8 вершков в глубину и $2\frac{3}{4}$ аршина в высоту—ни сесть, ни повернуться..¹⁾

В отдельных тюрьмах после упорной борьбы карцеры эти иногда уничтожали, но затем вновь восстанавливали. Эти карцеры, собственно, предназначались раньше для наказания солдат по нескольку часов, но, позднее они были введены уже для недельного „отстаивания“.

Последствия даже короткого сидения и непрерывной борьбы с администрацией глубоко отзываются на организме. Очень редко выходят без особых последствий, а в большинстве случаев,—сидение отзывается инвалидством, нервным расстройством и проч...

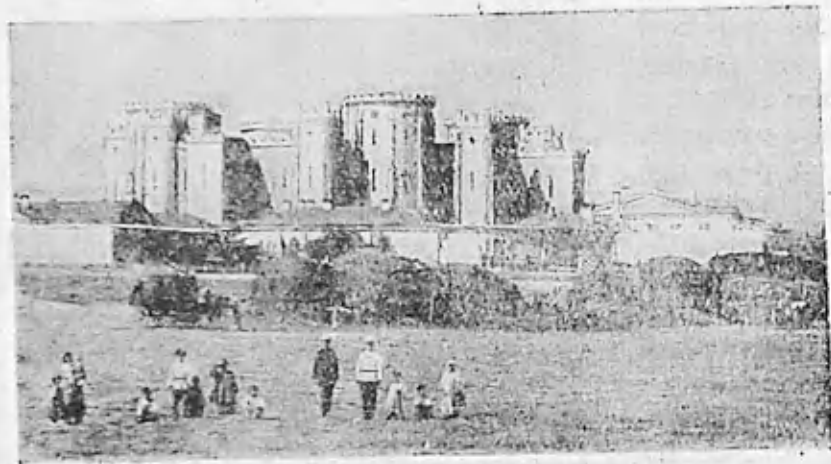
Карцер (герло) в румынской тюрьме.
(По рисунку бывших заключенных).

¹⁾ См. рисунок.

Кишиневский централ.

Кишиневский централ-здание замечательной архитектуры. Если верить старым надзирателям, то при его постройке 3 подрядчика покончили самоубийством, не выдержав условий подряда...

Поступающих в централ обыскивают самым тщательным образом.

Центральная Кишиневская тюрьма.
(Фотогр. снимок).

Передачи допускались. Свидания—2 раза в неделю: в воскресенье и в четверг, через двойную решетчатую перегородку.

Камеры приспособлялись для троих, имея три откидных постели, 4 или $3\frac{1}{2}$ шага в ширину, $7\frac{1}{2}$ в длину,—но обыкновенно в камерах сидит человек по 8—9. Окно—под самым потолком чтобы выглянуть наружу нужно встать на плечи другому. По воскресеньям, по очереди шли в церковь (все-таки разнообразие, да и встретиться с другими можно), но когда заметили, что мы не крестимся, то выпускать не хо-

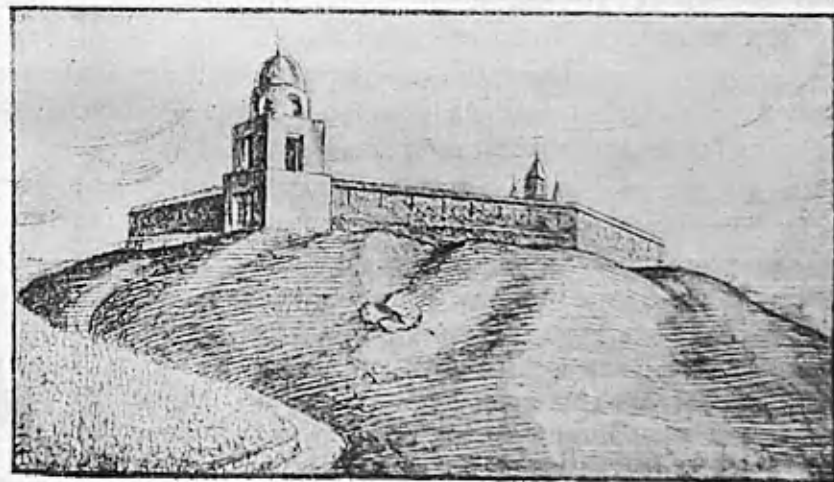
тели. Камеры все время под замком. Днем по требованию выпускают по одному, и если уж надзиратель хорош—всей камерой. На ночь—тройные засовы и параша внутри.

Прогулка разрешалась в течение 40 минут внутри внутреннего двора, по кругу 2 человека в ряд, один за другим, всем коридором...

В свое время, под властью русской администрации, существовало определенно выработанное отношение к политическим. Так или иначе, с ними считались... В настоящее время там очень жестокий режим, узаконено битье, передачи не допускаются, свидания также, политических третируют хуже уголовных...

Галата.

В верстах 4-х от города Яшь, на горе, обнесенный высокой стеной, грязный и замшелый, стоит монастырь, построенный несколько сот лет тому назад, служивший еще крепостью в давние времена—теперь военная тюрьма.

Тюрьма в Галате.
(Рисунок одного из заключенных)

Кругом часовые. Внутри, в некоторых местах, дневальные. Заключенные днем не запирались в камерах.

Пища—недоваренная мамалыга, подогретая квашенная капуста, гнилая фасоль, иногда гнилой кусок сала и червивая брынза (сыр). Вахмистр в первый же вечер, действуя по инструкции коменданта, оповещает нас, что здесь употребляют ремни...

Каждый вечер производился генеральный обыск: перекидывались все вещи, доски, выстукивались стены и проч. Характерный штрих: при передачах офицер и плутоньер¹⁾ восхищаются тем или иным съедобным, явно добываясь взятки...

Ясский централ.

На первый взгляд изящный английский коттедж. Во дворе даже садик с розами. Но внутри совсем другая картина. При входе тщательно перебирают каждую складочку, отбирая даже чистую бумагу.

Между администрацией и заключенными установлены взаимоотношения хозяев и рабочих. Первые имеют инструменты и деньги, вторые—ничего.

Здесь резко выявляется специфическая особенность румынских тюрем: за все, за всякую мелочь—плати деньги—и за деньги все можно достать.

Нужен гвоздь, напильник на одну минуту—плати; кияток согреть в мастерской на печке—тоже плати...

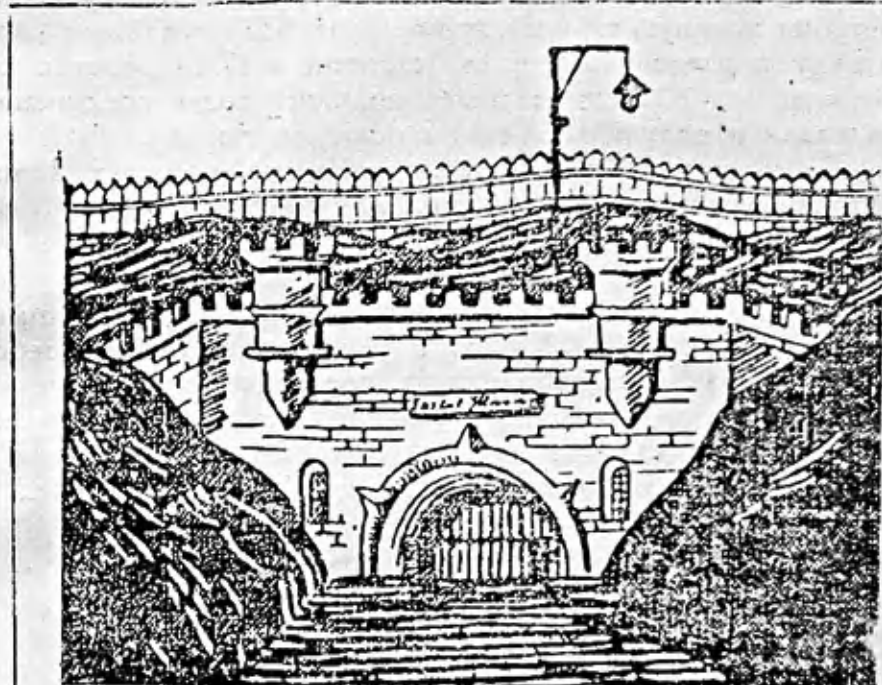
После приговора неожиданно перевели нас в общую камеру. На утро мы пошли объясняться с директором. Директор ответил, что не находит в этом ничего необыкновенного, так как не видит никакой разницы между политическими и другими заключенными. Двое из протестовавших товарищей были брошены в „карцер-герло“.

¹⁾ См. объяснение иностранных слов—стр. 70.

„Герло“ в ясском центре—отдельное небольшое каменное здание, с полутемными небольшими карцерами. Небольшие стекла вверх замазаны. 4 шага в длину, 2 1/2 в ширину. Пол цементно-асфальтовый.

Жилава.

Знаменитая, прославившаяся своим режимом тюрьма—форт № 13. Это громадное, фортификационное соору-

Вход в Жилавскую тюрьму.

жение представляет собой одно из звеньев кольца Букурештской крепости, построенной по последнему слову довоенной техники и, кажется, по плану Льежа или Антверпена. Ухлопав сто миллионов золотом на ее пост-

ройку. правительство в начале войны после падения бельгийских крепостей, сочло ее уже устаревшей и Букурешти при занятии его немцами не защищался.

Массивные стены, камеры, склады, башни, коридоры, ходы—все это было покрыто землей и как бы выросло в ней. Разделенные одна от другой, части форта имели много скрытых проходов—туннелей, а под фортом—каналы с подъемными мостами на случай прорыва неприятеля и отступления при внутреннем бое. Во время оккупации немцы использовали это солидное сооружение, устроив военную тюрьму: это был наиболее удобный форт в виду прилегающей ж. д. станции в 17-ти верстах от Букурешти. Коридоры перегородили; ходы соединения заделали и получилась, таким образом, тюрьма.

Здесь у нас были 4 голодовки, из которых 2 мы устраивали сами, а 2 устроила... администрация, отказывая нам в пище после того, как мы отказались ходить на работу.

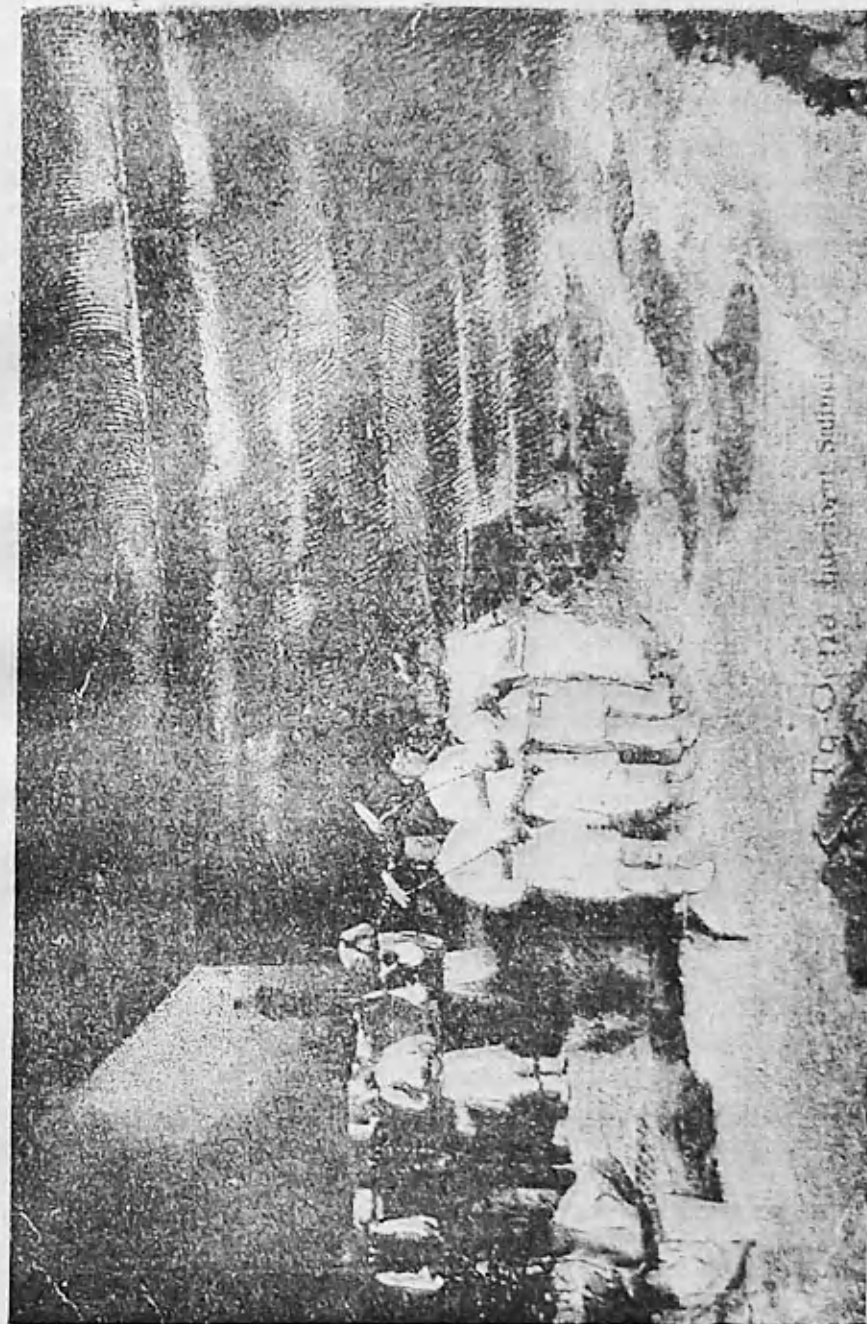
После этого для расследования приехала из военного министерства комиссия. Констатирует правоту наших требований, поддакивает, соболезнует, составляет соответствующий протокол, а на следующий день в газетах появляется: „Комиссия, выехавшая для расследования о положении в Жилаве нашла все в порядке“. Комментарии излишни...

Тыргу-Окна. (Город—Шахта).

(Каторжная тюрьма в Молдове).

Тыргу-Окна,—уездный городок недалеко от старой венгерской границы, в отрогах Ардяльских гор. Неподалеку находится сезонный курорт.

Каторжная тюрьма, таким образом, находится „почти“ на курорте. Здоровым климатом, отчасти объясняется то, что при наличии тяжелой работы заключенные все же выживают. Тюрьма построена в километрах двух от шахты. Серое фасадное здание, высокие стены с вышками для

В Соляных шахтах Тыргу - Окна. Группа каторжан.

часовых. Ночью часовые во дворе и коридорах. Вокруг стен—хозяйственный и караульный двор.

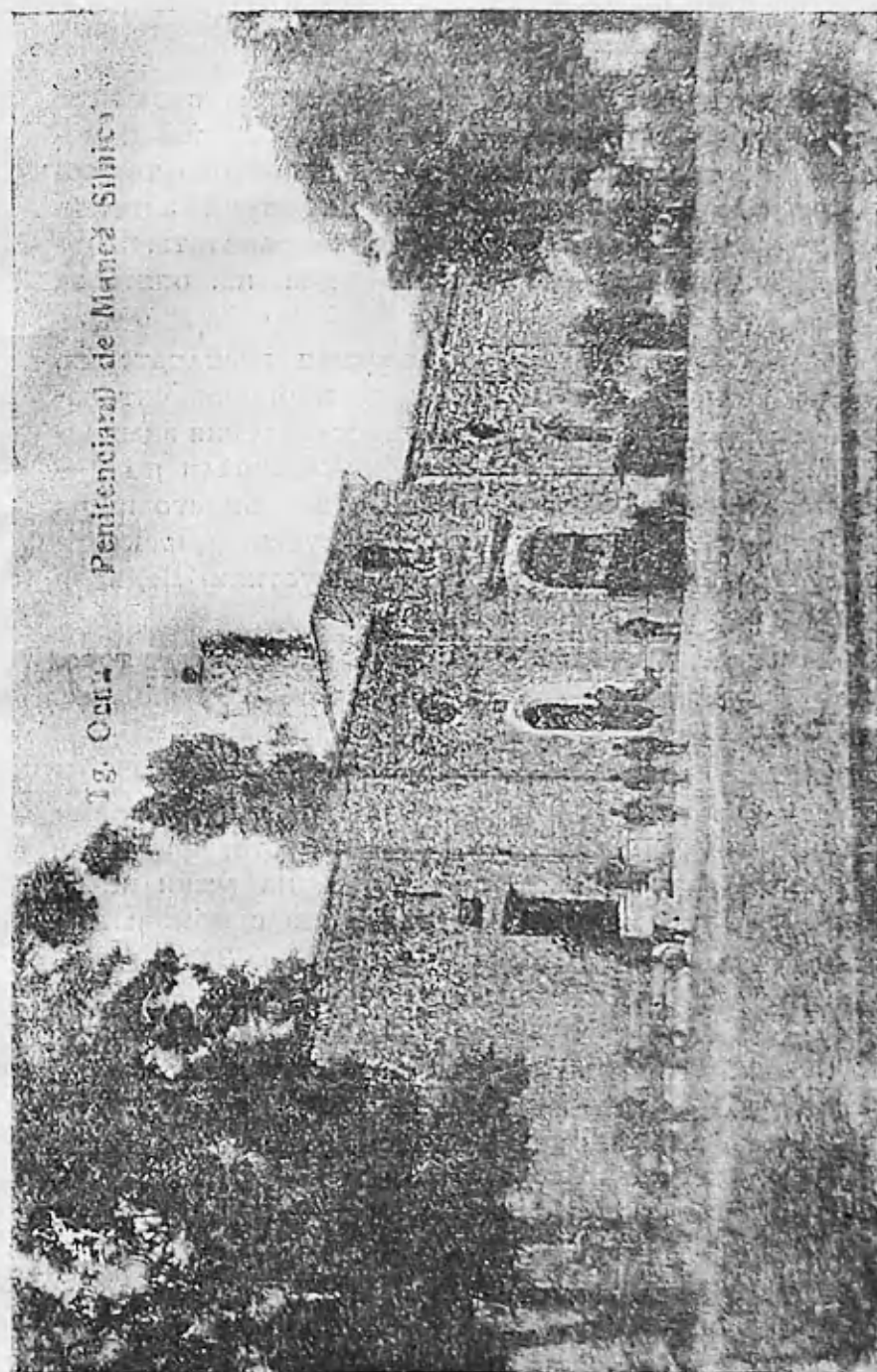
Камеры находятся внутри двора в одноэтажном здании в виде буквы „П“—человек на 25—40 каждая. В камерах полки, нары вдоль стен, чугунная печка, деревянная параша, лампа и окно. Зимой, когда горит печка жарят и варят,—в легких как в кузнице. В каждой камере есть „камерист“, наблюдающий за чистотою.

Сто лет тому назад заключенные все время жили в шахте под землей—там же, где добывали соль. В Старой Окне (рядом с Новой), там же была—и остались теперь—кухня, пекарня и проч. Заключенные находились все время в кандалах, некоторых еще приковывали к стенам. На верх их подымали по два раза в год для „обветрения“. А внутрь надзиратели заглядывали очень редко.

Когда была построена тюрьма на поверхности, то до самых последних 10—15 лет на ночь заключенные приковывались к железному пруту, в стене. На работу ходили скованные—по партиям.

В тюрьме создалась своеобразная миниатюра внешнего буржуазного мира: государство—администрация; крупная буржуазия,—собственники нескольких станков и даже мастерских на шахтах; мелкая буржуазия,—имеющая незначительное количество орудий производства; ремесленники, имеющие ручной инструмент для изготовления ложек; пролетарии—не имеющие никаких инструментов. Есть и люмпен—пролетарии—принципиально не желающие „работать на буржуев“...

Собственники, имеющие свои инструменты и станки, верховодят с администрацией и устраивают свои „дела“. Администрация крайне заинтересована в том, чтобы никто не сидел без дела. Больше занят—меньше думает о побеге. Весь служебный персонал тесно связан с интересами тюремных капиталистов. Получить возможность работать, сбыть товар, получить денег, вина, водки и проч. в этом

Тыргу-Окна. Общий вид (фотогр. снимок).

взаимно заинтересованы все—от директора до надзирателей. Пьянство, картежные игры процветали.

На Окне труд оплачивался. Зарабатывали, в зависимости от напряжения своих сил, от 13 до 100 лей в месяц. Из заработанных денег в месяц выдавалось только 60 лей: таким образом, вводя плату за труд, администрация заставляла заключенных усиленно работать, получив 60 лей, которых хватает на 4 дня и... опять за работу.

В 1920 году издевательства, зверская эксплуатация, переполнили чашу терпения каторжан и они взбунтовались. При расследовании выяснились преступления администрации: избиения были ужасны, раны не заживали по 2—3 месяца. Мастерские работали бесплатно, вместо пищи давали 2 луковицы и 1 фунт мамалыги в сутки. Директора арестовали, продержали недельку и выпустили. Ведь он был зятем главного директора тюрем...

Баня появилась только в последние годы, после того, как в 1918 году умерло от эпидемии до 800 человек...

Работа начинается в 5—6 часов, в 12—обед, в 6—ужин, в 7—8 закрытие и поверка (утром поверки не бывает). Пища 3 раза в неделю „мясная“: несколько капелек жира и грамм мяса на 1 человека; в остальные дни: капуста, фасоль и иногда, редко — картофель. На обед и на ужин нечто вроде супа. Хлеб чередуется периодически с мамалыгой.

В шахте каторжанин обязан отработать 3.000 килограмм¹⁾ соли бесплатно. Таким путем государство получает до 4000 лей в год дохода с каждого заключенного, чистой каторжной прибыли, не говоря об обычной прибавочной стоимости...

Под заунывный рожок, — специальная каторжная музыка — медленным шагом, окруженные тесным кольцом конвойных, движется эта фаланга к шахте и таким же

¹⁾ 180 пудов.—Р е д.

порядком оттуда. На верху шахты оставляют небольшое количество для вспомогательной работы; всех остальных — внутрь.

В шахту ведет туннель в 900 метров, по которому проходит узкоколейка. Внутри подъемник. Метров 300 с лишним под землей, в огромном пласте соли высечено колоссальное помещение, из 4-х зал, с тускло поблескивающими, правильно высеченными стенами и потолком.

До 1920 года соль добывали почти исключительно без употребления пороха, высекая пласты по несколько сот пудов каждый, что влекло за собой массовое калечение работавших. Теперь это еще применяется на мягких пластах, а на твердых, сверлят дыры, заряжают их порохом.. Громадные взрывы—и в пластах откалываются глыбы по несколько сот пудов, которые затем молотками разбиваются на мелкие куски, по 2—3 пуда. Самое тяжелое—это сверлить дыры.

Один раз,—хорошо, что ночью,—оборвался угол свода—глыба соли, вагонов на 30; напором воздуха были сорваны туннельные ворота.

...Малейший намек на какой-нибудь протест или попытку к организации коллективного протеста или заявления, благодаря развитому шпионажу немедленно замечается, берется „на учет“. Иногда администрация „ласково“ предлагает заключенному заявить индивидуально, чем он недоволен,—но дело кончается карцером, цепями и отправкой в Дофтану...

Есть еще и другой способ устрашения. Особо мятежным главным дирекция тюрем выдает „волчий билет“: неожиданно заковывают в кандалы, без платья везут в другую тюрьму, где продержав 1—2 недели в карцере, вновь перевозят в другую тюрьму... И так, в течение месяцев и даже годов путешествуют эти жертвы по „великой“ Румынии.

Каторжная тюрьма Сланик.

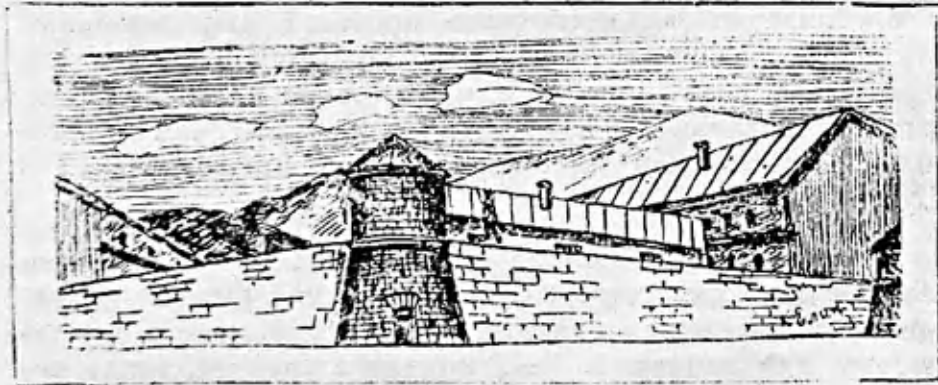
Тюрьма расположена в Праховском округе, наиболее богатом тюрьмами: здесь находятся знаменитая Дофтана, полукаторжные Быковец и Маржинени, соответствующие нашим бывшим арестанским ротам.

Сланик—маленькое местечко в горах, с соляными копями. Сюда посылают каторжан, уже инвалидов, надорвавшихся в других шахтах, туберкулезных, калек, слепых и вообще больных. Несмотря на такое „гуманное“ назначение, режим в этой тюрьме хуже каторжного.

За малейшую провинность после избиений бросают в герло. Карцер, изобретение румынских тюремщиков: и ящик в $\frac{3}{4}$ аршина ширины, такой же глубины. У заключенного нет никакой возможности двигаться. Пища: суп с гнилым картофелем или фасоль без жиров и мяса, два раза в день и 700 грамм мамалыги. От истощения и хронической голодовки 80% заключенных болеет цынгой.

Письма допускается писать и получать только один раз в месяц и то исключительно на румынском языке.

Политические заключенные поставлены в еще худшие условия. Передачи с воли не допускаются. При полу-

Каторжная тюрьма Сланик.

чении посылки начинают допрос—от кого, почему, зачем и т. д. Если не ответить, как полагается, — избиение, а передача отбирается администрацией...

Дофтана.

Далеко, в отрогах Карпатских гор, отрезанная от всего мира, затерялась „образцовая“ исправительная тюрьма Дофтана. Дофтана—это синоним смерти. Дофтана—„*cu trei rugini*“ (с тремя сливами). Каждый попадавший в Дофтану имеет все шансы попасть на поле „с тремя сливами“. Это арестантское кладбище в конце которого возвышались 3 дерева слив.

Тюрьма имеет подковообразную форму. В середине подковы церковь. Вся тюрьма разделена на 8 секций: А. В. С. D. E. F. G. H. Каждая секция имеет 40—60 одиночек. Всего одиночек—кроме общих камер—в тюрьме 412. Не успел я приехать, как меня посадили в карцер. Оказалось, что до моего прихода приехал чиновник из Мисля и успел, в буквальном смысле, напугать директора до того, что он велел заковать меня в кандалы и бросить в карцер. Особенно славятся карцера в Дофтани: пол здесь цементный, потолок железный. Темнота непроглядная. Брошенные туда закованы в так-называемый „железный костюм“: тяжелые кандалы на руках и ногах, наручники прикреплены к ножным кандалам. На шее тяжелый обруч и такой же обруч охватывает и живот, и все это приковано к ножным кандалам...

... Раздается звонок. Все арестанты сбегаются во двор собирается человек 500; меня выводят на середину. Ждут начальника. Мертвая тишина. Директор подходит и обращается ко всем:

— „Перед вами большевик. Самый опасный человек. Самый закоренелый преступник из вас, убивший на своем веку двадцать—тридцать человек—в сравнении с ним—ангел... Кто осмелится с ним говорить, послушаться его

совета—засеку Все стены тюрьмы будут черны от вашей крови“...

... Арестанты испуганно косятся на меня. Вскоре меня перевели из карцера. Положение заключенных становилось все больше и больше невозможным. Голод, грязь, побои, целый день с уголовными. Решаем объявить голодовку. Наша голодовка—первая в Дофтани—чрезвычайно поразила всех. Директор просто не знал, что с нами делать. Рычит, как зверь,—„сгною“, только и слышно. „Закую в кандалы“, но оказалось, что это была только угроза, и не доведя до карцера знаменитой секции „Аш“ нас возвратили... На пятый день нас выволокли в контору, взвалив на плечи надзирателей,—хотели заставить насильно есть. Но не тут-то было... На шестой день, утром, пришедший директор заявил, что наши требования будут удовлетворены, как только мы прекратим голодовку. Он совершенно растерялся. Как же, живой человек и отказывается добровольно кушать? Пищу улучшили, а вместо общей камеры, рассадили по одиночкам секции „Г“. Но самое главное, мы добились того, что нас начали считать политическими...

Даже в Дофтани организованность и голодовка достигают своей цели...

Памяти павших.

Тов. МОЛОТОВ (Вейнберг).

25-го мая 1921 г., руководитель бендерской уездной организации тов. Молотов (Моисей Вейнберг), находившийся на нелегальном положении, после побега, в феврале того же года из Белецкой сигуранцы, был узан на улице в Бендерах. Тов. Молотов отстреливаясь, пытался бежать, но через некоторое время, окруженный постовыми сержантами и шпиками, он раненый в живот, был задержан. Рана оказалась смертельной, но несмотря на это охранники начали его допрашивать. Не добившись от него ни слова, его еще живого бросили в мертвецкую. Об этих последних минутах

Тов. Молотов.

тов. Молотова рассказывает тов. Кюрчи, Демьян, находившийся в то время под арестом в Бендерской сигуранце, где его также пытали. Видя, что от него нельзя добиться они решили воздействовать на него, бросив его

в мертвецкую. Войдя туда он увидел рядом с утопленником, агонизирующего тов. Молотова, состояние которого ухудшалось от страшного трупного зловония. Вот в какой обстановке умирал товарищ Молотов.

Тов. Брофман.

Тов. Брофман был одним из тех самоотверженных борцов за пролетарскую революцию, которые не боятся поставить на карту свою жизнь перед лицом непосредственной опасности. Когда его привели в тюрьму после сигуранцы, находившиеся там едва узнали его, — настолько он был изувечен. Еле двигаясь, он был похож на живого мертвеца. Только блестящие впалые глаза говорили о твердом желании бороться с палачами. Несмотря на пытки, ни единого слова он не проронил о работе организации. В ответ на продолжавшиеся истязания он объявил голодовку, держась около 4-х дней. Благодаря удивительному умению держаться на перекрестных допросах, Брофман сбивал с толку шпииков.

— „Где литература, деньги, товарищи, кто взрывал...“ — сыпались вопросы.

— „Мне легче по вашему приказу снять звезды и считать их, чем сказать то, что вы сейчас меня спрашиваете“.

— „Такого изворотливого и находчивого большевика у нас еще не было“, — говорили агенты сигуранцы.

В ночь с 15 на 16 июня 1921 г., в камеру Брофмана неожиданно влетел дежурный офицер, вызывая его якобы на допрос.

Позднее, недалеко от казарм на площади раздался выстрел. Это было в 3 часа ночи. Очевидцы рассказывали, как Брофман обернувшись спросил: „Почему ты в меня стреляешь“. В ответ раздалось еще несколько выстрелов. Он пал замертво. Власти объявили вновь о

„попытке к бегству“, но даже обыватели этому не поверили. Этим убийством были возмущены даже солдаты жандармского полка, передававшие друг другу и населению правду о подлом поступке властей.

Через несколько дней раздался ответный выстрел. На улице был убит шпик Ванька — городской, один из самых активных истязателей тов. Брофмана...

По городу рассыпались прокламации, напоминая, что убийство Брофмана вызовет к жизни десятки новых бойцов за пролетарскую революцию...

Тамара Крючок.

В 1918 году она одна из первых вступает в подпольную коммунистическую организацию.

Арестованная на допросе в сигуранце, она стойко выдерживает избиения и получила 10 лет каторги... На втором процессе освободилась... Приехав в Советскую Россию, она постоянно рвется обратно — в подполье. Товарищи не пускали ее, находя это не совсем целесообразным. Все же Тамара едет в Румынию и через несколько дней попадает в лапы жандармов. Решив навсегда покончить с упрямой большевичкой — в конце дек. 1921 г. — ее вместе с тремя другими товарищами и под предлогом „доследования“, отправляют в Бендеры, где и убивают вместе с т. Кисловским.

Тов. Крючок.

в Бендеры, где и убивают

Тов. Кисловский (Иойлик).

Родился в 1889 году. 14-ти лет начал добывать своим трудом средства к существованию. В 1917 году после февральской революции поступил добровольцем в армию. В 1919 году работал в качестве курьера Бессараб-

ской коммунистической организации. В мае 1920 года он был арестован по обвинению в перевозке коммунистической литературы. Освободившись продолжал работать до сентября 1921 года.

При перевозе товарищей в Кишинев, он первый был задержан на квартире, где останавливались переезжавшие. Но ему удалось выбежать во двор... Шпики бросились сейчас же в погоню. Этим замешательством воспользовались оставшиеся товарищи и скрылись.

Тов. Кисловский начал отстреливаться из револьвера.

Вбежав в ближайший двор он пытался перескочить через забор, но в это время, работавшие во дворе, не знавшие в чем дело, схватили его и стащили с забора. По дороге его варварски избивали. В сугурянце его пытали в течение 5 дней, но ничего не добились. Кисловского и еще 3 товарищей: Тамару, Шехтмана и Двоскина через 2 дня, ночью, повели к берегу Днестра и там застрелили, а трупы оставили лежать на берегу. Утром пограничники привезли трупы в город, говоря, что нашли на берегу неизвестно кем убитых...

Т. Кисловский.

Убийство т.т. Кириллова, Царьгородского и Орла.

4-го июня 1922 года по амнистии должны были быть освобождены 27 т.т. в Кишиневе. Однако, распоряжением генерала Поповича, неограниченного владыки Бессарабии, они были препровождены в тюрьму, так как он не доверял амнистии и лично поехал выяснять дело в Букурешти... Гражданская тюрьма не захотела принять их обратно и военные власти вынуждены были препроводить их на гауптвахту.

Продержав около 3-х недель всю группу, Попович был вынужден, благодаря поездке в Букурешти, делегации от родственников заключенных, дать распоряжение о полном освобождении, но и здесь, затаив подлую мысль, он задержал пятерых под предлогом высылки их из Бессарабии.

Двух из них — Бабака и Одессера, закованных и под сильным караулом, вывели 22 июня по направлению к Бендерам.

Вечером, на другой день часов в 11, с цепями на ногах и руках, прикованными один к другому, т. т. Кириллова, Царьгородского и Орла повели из тюрьмы к жандармскому посту по направлению к Днестру, где они переночевали. На следующее утро группа направилась в село Вадулуй-Вода на берегу Днестра. Сняв с подводы, конвой повел их в лес. Здесь па-

Тов. Кириллов.

лачи сняли цепи с ног и фельдфебель, держа на изготовке винтовку, приказал им бежать по направлению к Днестру. Все стали, как вкопанные. Один из них, Орел, упал на землю. Его тотчас же пристрелили. Остальные двое, увидя убитого, пытались разорвать цепи, сковывавшие их руки, но фельдфебель пристрелил Царьгородского, а оставшийся Кириллов, у которого цепь оторвалась от руки Царьгородского, поддался в сторону. Палач велел ему бежать. Раненый Кириллов бросился бежать, но вторая пуля повалила его на землю. Третья пуля в голову прекратила мучения Кириллова... Так, палач Попович выполнил решение своего же военного суда об амнистии...

Тов. Филипеску.

Два года тому назад был убит при „попытке к бегству“ тов. Филипеску. На подпольной бессарабско-румынской конференции в Яссах он представлял бухарестский городской комитет. Это было, когда сторонники Коминтерна, организовавшись в подпольные группы, вели энергичную борьбу внутри партии за присоединение.

После разгрома этих организаций тов. Филипеску уехал в Болгарию. Через некоторое время он возвращается и начинает восстанавливать рассеянную организацию, возобновляет прерванные связи, устанавливает новые..., но через несколько месяцев падает жертвой провокатора.

К началу „процесса 270“ он заболевает, но, несмотря на это, в январскую стужу его отправляют вместе с другими, предварительно надев кандалы, из Жилавы в Букурешти.

Но он не столько страдал от болезни, сколько от того, что его изолировали от товарищей, посадили к нему про-

вокаторов из арестованных же, которых мы выкинули из наших камер и которые, издеваясь над больным Филипеску, вымещали на нем свою злобу.

Несмотря на варварский уход за ним, он выздоровел. Тогда ему объявили, что его переводят обратно в Жилаву, сняли с него кандалы (он и во время тифа лежал в кандалах) и отправили пешком в Жилаву. По уставу — отправлять арестованного из Жилавы в Букурешти нужно только в специальном грузовике с решетками, — пешком же можно отправлять в исключительных случаях, как видно, тут был исключительный случай...

Позднее было сообщено, что Филипеску убит „при попытке к бегству“.

Через несколько дней выяснились подробности. Палачи даже не догадались избрать подходящего места для своего подлого дела. Они его не убили, когда переходили лесом, а на ровной поляне, где некуда скрыться и где бежать можно с единственной целью — покончить жизнь самоубийством.

Румынская олигархия не имеет основания быть спокойной. И она пытается убийствами задавить движение. Революционный пролетариат напомним ей в свое время о всех ее преступлениях и не забудет о тов. Филипеску.

Тов. Филипеску.

... Она приехала на подпольную работу будучи беременной. При провале группы была арестована. Несмотря на ее положение над нею все время издевались, избивали, бросали на пол и били ногами по животу...

Переведенная в тюрьму от последствий истязаний, она, вскоре же умерла...

На суде прокурор начал свою речь словами:

— „Мы живем в стране с непоколебленными устоями прав личности, человечества... гуманизма“...

...И перед глазами вставало бледное лицо, с расширенными от страданий зрачками, замученной Клары...

Пленик румынской буржуазии

Тов. МАКС ГОЛЬДШТЕЙН.

В самой страшной тюрьме Румынии, в Дофтани, в одиночном заключении секции Н¹), в постоянной полутьме и сырости, без права свиданий, корреспонденций, получения газет и книг, закованный в кандалах, держит румынская олигархия своего непримиримого врага, тов. Макса Гольдштейна, присужденного к вечной каторге в процессе „270“, два года тому назад.

Сейчас тов. Макс 26 лет. 14 лет от роду он вступает в юношескую социалистическую организацию Румынии.

После разгрома всеобщей забастовки в 1920 г. т. Макс решил действовать решительнее. Он отправляется на линию железной дороги, по которой должен пройти поезд Аржетояну, министра подавившего забастовку. Своей единственной левой рукой (правую он потерял раньше при аналогичной обстановке) подкладывает динамит. Но он не рассчитал хорошо. Взрывается только последний вагон, в котором министра не было. Палач остался жив. Проходит два месяца и 8 декабря в сенате взрывается адская ма-

¹) Дофтана разделена на несколько секций для разных категорий заключенных. Секция „Н“ так называемая „ХАШ“, является тюрьмой в тюрьме. — Ред.

шина. Убит один министр, один генерал и председатель торговой палаты.

За Максом устраивается подлинная травля. После переправы через Дунай, возле Жюржю, по дороге в Бухарест, его настигают пограничники. Он скрывается в лесу и в продолжение нескольких часов отстреливается от окруживших его жандармов и сыщиков. Последнюю пулю он направляет себе в висок, но револьвер дает осечку. Пока он возится с револьвером, его хватают. Из деревни сгоняют крестьян и натравливают их на Макса. Нужно знать невежество и темноту румынской деревни, страх мужика перед жандармом, который его убьет, если он не будет бить другого, чтобы представить себе, что перенес тов. Макс в их руках...

На суде тов. Макс вызвал в качестве свидетеля министра Аржетоану и указывая на него заявил:

— „Вот, кто устроил взрыв в Сенате. Зверская расправа его с рабочим классом потребовала мщения и я, исполнял только волю рабочего класса“.

До приговора суда, Макс ходил „отсиживать“, вернее, „отстаивать“ десять дней карцера. Карцер, по остроумному выражению одного товарища, представлял собой вертикальный гроб, сколоченный из досок так, что стенки вплотную касаются тела, и так, в стоячем положении проводит десят суток без сна, без пищи (фунт хлеба в день и вода). От стоячего положения, ноги пухнут, кольца от кандалов врезаются в тело...

По отбытии десяти дней, ему давали отдохнуть несколько дней, а затем придирались к какому-нибудь пустяку и снова садили в карцер.

Звери в человеческом образе, утонченные садисты, именующие себя румынским правительством, захотели не сразу покончить с т. Максом, а решили медленно довести его до безумия и смерти.

Но тов. Макс решил, видя, сам умереть. Последние известия, говорили, что тов. Макс находился около ме-

сяца в голодовке. Возможно, что в настоящий момент он близок к смерти.

Три года тому назад мировой пролетариат протестовал против попытки американской буржуазии посадить на электрический стул двух анархистов, покушавшихся на французского посла. Мы не знаем спас ли их этот протест но как счастливы были минуты этих товарищей сознавая, что могучая армия международного пролетариата встает на их защиту.

...Мы мысленно представляем себе тов. Макса, умирающего на цементном полу полутемной одиночки Дофтаны. Одна весточка о том, что товарищи его не забыли, что рабочий класс спешит на освобождение его и всех других узников капитала—было бы для него так много...

Заключение.

Изложенные выше факты, являются прекрасной иллюстрацией, насколько важны и ответственны задачи МОПР'а перед лицом непрекращающихся зверств румынской буржуазии.

Мы затрудняемся указать более или менее точную цифру количества политических заключенных в тюрьмах Румынии. По многим причинам местная организация МОПР'а не наладила учета таковых. Отчасти этому мешает непрекращающиеся аресты работников секции МОПР'а, в виду чего зачастую приходится все начинать сызнова... К тому же есть чрезвычайно много — значительное большинство — заключенных, так-называемых, партизан, арестованных по отдельным организациям, группам революционеров. Приблизительно все же заключенных революционных борцов не менее 1.000 человек, при чем число их все увеличивается непрекращающимися арестами.

Недавно пришли известия о крестьянских волнениях в некоторых округах Румынии и Бессарабии... Также недавно арестована группа комсомольцев за издание газеты. Первого мая в Кишиневе были распространены прокламации и арестовано около 50 человек и т. д. Незачем повторяться о зверских условиях, в каких находятся заключенные. Недавно было получено извещение о взрыве складов в Букуреште — это безусловно даст лиш-

ний повод олигархии, для новых преследований, арестов и создании процессов против коммунистов. А между тем, к слову сказать, эти взрывы повторяются очень часто в том же месте и размере, несмотря на частые обещания правительства вывезти склады из города...

Одной из первейших задач стоящих перед нами, — это наладить возможно полный учет и обслуживание заключенных в самой Румынии. Трудящиеся СССР уже протянули им братскую помощь, беря шефство над тюрьмами и заключенными в боярской Румынии. Но до сих пор тюрьмы не имеют хорошей связи со своими подшефными. И здесь возникает задача налаживания этой связи шефов с подшефными — этим значительно укрепит дух заключенных, находящихся в разлагающих условиях и полнейшей оторванности от всего мира.

Мы должны не только поддержать физически, но и спасти их от морального разложения, возвратить их в ряды борющегося пролетариата. И, наконец, постоянной информацией о продолжающихся зверствах, надо поднимать, призвать к протесту весь пролетариат, надо осветить перед ним чудовищность деяний румынских бояр. Волей мирового пролетариата надо заставить румынские правящие классы прекратить невиданные насилия, перед которыми бледнеют ужасы средневековой инквизиции.

СПИСОК

заключенных в румынских тюрьмах.

(Приведены лишь те т. т., данные о которых имеются в ЦК МОПР'а).

УРОЖЕНЦЫ РУМЫНИИ.

Макс Гольдштейн бессрочная каторга.
Бужор двадцать лет каторги.

Лупу Гольдштейн	пять лет каторги.
Хаджиу	восемь " "
Олтяну	восемь " "
Негоица	шесть " "
Уларнат	пять " "
Цициндей	пять " "
Гречу	пять " "
Ионеску	пять " "
Иозеф	пять " "
Трукс	пять " "
Озиас	десять " "
Генчу Атанасов	десять " "

Ворняну	пять " "
Марьян	пять " "
Драгна	пять " "
Мушатеску	пять " "

Бачу	семь " "
Строич	двадцать пять " "
Каннер	три года " "
Зайдман	два года " "
Моркц	пять лет " "

По процессу „270“.

Матросы из Галаца, по
по процессу 1919 года
(дело революционной ор-
ганизации во флоте).

УРОЖЕНЦЫ БЕССАРАБИИ.

Иван Свердлик бессроч. каторга за участ. в бендерском восстании 1919 г.

И. Вайнштейн	"	"	"	"	"	"
М. Резник	"	"	"	"	"	"
Кочу	"	"	"	"	"	"
М. Марьяшес	"	"	"	"	"	"
Д. Житков	"	"	"	"	"	"
Г. Коган	"	"	"	"	"	"
М. Клейман	"	"	"	"	"	"
Панкевич	двадцать лет.	"	"	"	"	"
Сандуца	десять	"	"	"	"	"
Кигель	семь	"	"	"	"	"
Ройтман	три года	"	"	"	"	"
Мишун	пять	"	"	"	"	"
Шапиро	десять	"	"	"	"	"
Эрлих, Маня	десять	"	"	"	"	"
Центнер	пять	"	"	"	"	"
Геревиц	пять	"	"	"	"	"
Качановский	пять	"	"	"	"	"
Заплешный	пять	"	"	"	"	"
Берман, Янов	бессроч. каторга	"	"	"	"	"
Нимберг	пять	"	"	"	"	"
Самборский	пять	"	"	"	"	"

Члены отдельных боевых
рев. групп Бессарабии,
члены Бесс. коммунист.
организации.

□□□□□□□□

ОБЪЯСНЕНИЕ.

иностранных слов, встречающихся в брошюре.

- „Târgu“—Тыргу — городок, вернее, местечко с базаром (Тыргу-базар).
 „Oscna“—Осна—шахта.
 „Mare“—Маре—большой.
 „Jasi“—Яшь—правильное название второй румынской столицы—Яссы—
 в Молдове.
 Молдова, Мултсина и Олтениа, три провинции—области,
 на которые разделяется „Старая“ Румыния.
 „Plutonierul“—Плутоньерул—фельдфебель, вахмистр.
 „Locotenent“—Локотенент—поручик.
 „Mamaliga“—Мамалыга—густая каша из кукурузной муки, заменяющая
 хлеб и служащая в Румынии главным питанием бедного
 населения.
 „Bucuresti“—Букурешти—правильное название столицы Румынии Бу-
 хареста (имеет 600 000 жителей).
 „Sigureanta“—Сигурянца—охранка, дословный перевод—безопасность
 „Sfatul-Terü“—Сфатул-Церий—отечественный совет. Бессарабская орга-
 низация, превратившаяся в парламентское собрание и
 зарегистрированная в окружном суде, как кооперативная
 организация за № 246.
 „Leu“—лей—румынская серебрянная монета, равная, приблизительно,
 1 франку или 37½ копейкам.
 „Gherlo“—герло—карцер.
 „Transilvani“—Трансильвания (Семиградье) провинция, присоединен-
 ная после разгрома Советской Венгрии.
 „Banat“—Банат—примыкающая к Трансильвании с запада—провинция с
 главным городом Темисвара.
 „Maramures“—Марамуреш—провинция, примыкающая к Трансильвании
 с севера.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр
От издательства	3.
Введение ..	5
Террор в „старой“ Румынии	9
Белый террор в Бессарабии	17
Политические процессы	25
Процесс „108“	25
„ „48“	27
„ „270“	30
Сигурянца	37
Румынские тюрьмы	40
Памяти павших	55
Пленник румынской буржуазии—тов. М. Гольдштейн	63
Заключение	64
Список заключенных	68
Объяснение иностранных слов	70

ЦЕНА 25 коп.

